

Мэри Беллоу
Семейное Рождество

(с) Мечтательница

Annotation

Молодой муж после долгого отсутствия приезжает из Лондона в поместье и узнает, что его теща пригласила на Рождество всю семью. Кроме него. Молодая жена всю жизнь находилась под каблуком у матери, поэтому возвращение мужа ставит ее перед дилеммой: кто в доме хозяин?

Мэри Бэлоу

Семейное рождество

— Итак? — с нетерпением спросила леди Тэмплер, наблюдая за тем, как дочь сворачивает письмо и кладет его на стол рядом с тарелкой.

— Мистер Чэмберс собирается приехать на Рождество, — ответила Элизабет, расправляя на коленях салфетку.

— Сюда? В Уайлдвуд-холл? — Ее мать выглядела ошеломленной. — Это страшно неудобно!

— Это его дом, мама, — напомнила Элизабет.

— Его отец приобрел этот дом как трофей, — презрительно сказала леди Тэмплер, как будто это отменяло тот факт, что дом был собственностью ее зятя. — Он думал, что это введет его в ряды светского общества и отобьет исходящий от него вульгарный запах торговли. И чтобы быть уверенным наверняка, купил респектабельную невесту для сына. Знаешь, Лиззи, у его сына может быть и дом, и жена, но он все равно будет таким же торговцем, как и его отец. Он — пятно на репутации семьи. Теперь я всем сердцем жалею, мы пригласили всю семью праздновать Рождество сюда, но менять наши планы уже слишком поздно. Завтра начнут прибывать гости. Как же досадно, что и мистер Чэмберс тоже здесь будет.

«*Мы?* — подумала Элизабет. — *Наши планы?*» Именно ее мать пригласила всех и каждого в Уайлдвуд. Она написала приглашения и разослала их даже прежде, чем Элизабет узнала о ее планах относительно Рождества в кругу семьи.

Элизабет вновь свернула свою салфетку, положила ее рядом с тарелкой и поднялась. Она ничего не съела, но у нее пропал аппетит. Мистер Чэмберс приедет домой.

— Ты извинишь меня? — спросила она. — Есть масса дел, которыми я должна заняться.

— Оставь их мне, Лиззи, — твердо сказала ее мать. — Ты же знаешь, что я куда более опытна в вопросах управления прислугой и организации больших приемов.

Элизабет улыбнулась ей, но не села обратно. Она вышла из комнаты и напрямик направилась в детскую. Время кормления Джереми еще не наступило. Для начала ей действительно нужно было заняться делами, о которых она говорила, но ей требовалось время, чтобы прийти в себя. Письмо расстроило ее. Как и неприкрытое презрение, которое проявляла ее мать к мистеру Чэмберсу. Лорд и леди Тэмплер прибыли в Уайлдвуд в августе, чтобы быть рядом с дочерью во время родов в сентябре, и до сих пор не вернулись к себе домой. Леди Тэмплер взяла на себя управление домашним хозяйством, и с тех пор все шло гладко.

Элизабет не могла спорить с тем, что сказала мать по поводу своей большей компетентности. И все-таки как же ей хотелось вернуть свой дом назад, даже если она была менее опытна в управлении таким большим хозяйством. Но как она могла расстроить мать? Лиззи никогда не могла настоять на своем.

И теперь все ее дяди, тети, кузены, а также брат с женой и сыном приедут на Рождество — и мистер Чэмберс тоже. Она действительно не ожидала, что он приедет. Элизабет даже не написала ему о запланированном матерью Рождестве в семейном кругу, на которое она согласилась лишь потому, что было легче позволить леди Тэмплер делать то, что она хочет, чем пытаться с ней бороться.

Няня ребенка шила, сидя у окна. Элизабет подняла руку, показывая, что вставать не нужно. Джереми лежал в кроватке и тихо что-то лепетал, но не плакал.

Она наклонилась к нему, улыбнулась и заворковала, взяв на руки. Она просто не могла сопротивляться желанию обнять его — он был такой мягкий и приятный! — хотя мать сразу же после его рождения предупредила ее, что она испортит ребенка, если будет уделять ему слишком много внимания. Если любовь может испортить ребенка, то пусть так и будет.

Это был ее маленький бунт против матери.

Мистер Чэмберс едет домой. Эдвин. Она беззвучно прошептала его имя. Она никогда не произносила его вслух — только во время их свадебной церемонии. Ее мать с таким презрением говорила об отце мистера Чэмберса, который пытался проложить дорогу в высшее общество, купив для сына дочь виконта. Однако, с горечью подумала Элизабет, мама стремилась к этому браку ничуть не меньше, и папа не возражал. Брачный контракт позволил им оплатить огромные семейные долги — результат долгих лет азартных игр и расточительства. И тогда, казалось, не имело значения, что отец мистера Чэмберса был безродным торговцем и говорил с заметным акцентом кокни. Значение имело только то, что он был богат, как Крёз. В душе они, конечно, считали ниже своего достоинства выдавать дочь замуж за его сына, но нужно было чем-то жертвовать, если они хотели поддерживать тот образ жизни, который соответствовал их высокому положению.

Этой жертвой и стала Элизабет. Ее выдали замуж за мистера Эдвина Чэмберса чуть больше года назад, в начале декабря, за две недели до того, как старший мистер Чэмберс умер от сердечного приступа. В течение этих двух недель был зачат Джереми. После похорон отца мистер Чэмберс-младший оставил жену в огромном поместье, которое чуть меньше года назад приобрел его отец, и вернулся в Лондон, чтобы управлять семейным бизнесом. С тех пор она видела его лишь однажды. Он приехал в Уайлдвуд после рождения сына в сентябре. Он каждый день навещал ее, оставаясь в спальне не более десяти минут, но даже во время этих кратких визитов всегда присутствовала ее мать, которая руководила беседой, сознательно выбирая темы, которые, казалось, предназначались только для Элизабет и исключали зятя из разговора или же требовали от него только односложных ответов. Он вернулся в Лондон меньше чем через неделю, лишь коротко попрощавшись с Элизабет — опять же в присутствии ее матери.

Ее супруг был жестким, гордым, лишенным чувства юмора, мрачным человеком. Он действительно был красив как грех: светлые волосы, правильные черты лица и подтянутая фигура, — но не обладал ни характером, ни душевной теплотой, которые могли бы вызвать хоть малейшую привязанность. Он ужасно разочаровал Элизабет. Несмотря на это, он был ее мужем, и ей было неприятно слышать, как мать принижает его. Когда няня вышла, чтобы принести еще вещи для починки, Элизабет села и положила ребенка на колени. Она держала его за щиколотки и поочередно поднимала ножки, чтобы поцеловать нежные ступни.

— И он твой папа, мой драгоценный, — сказала она вслух. — Он приедет домой на Рождество.

Джереми надул пузырь.

Возможно, думала она, если он останется на неделю или две, он вновь оставит ее в положении. Это была не такая уж неприятная перспектива. Джереми придал смысл ее одинокой жизни. Еще один ребенок мог еще больше оживить ее существование. Только процесс ее немного пугал. Он не был с ней груб в те две недели после свадьбы. Он делал только то, о чем ее предупреждала мать.

Это даже не было болезненно, за исключением первого раза. Но бесстрастность всего этого охладила и унизила ее.

— Но знаешь, что я скажу, — обратилась Элизабет к сыну, взяла его маленькие ручки в свои, захлопала в ладошки, и Джереми заагукал в ответ. — Ты стоил каждой минуты этого. И твой брат или сестра тоже будут стоять этих минут.

Было даже странно, что иногда она жаждала того, что оказалось для нее таким разочарованием.

* * *

Иногда Эдвин думал, что, возможно, слишком сильно любил отца, который в свою очередь любил его всем своим щедрым сердцем. Мистер Чэмберс-старший многие годы трудился не покладая рук, чтобы быть уверенным, что его сын сможет вести жизнь обеспеченного джентльмена. У Эдвина был высокооплачиваемый учитель, и позднее он пошел учиться в одну из лучших школ Англии, а затем и в Кембридж. Фактически у него были все общественные блага и возможности для образования, которые можно было купить за деньги, равно как и море любви.

Уайлдвуд-холл был куплен для него. Как и его жена, которая должна была открыть ему дорогу в высшие слои общества, в котором он не был рожден, но для которого был воспитан. Если можно умереть счастливым, то, несомненно, мистер Чэмберс-старший так и сделал.

Счастливым сделал его сын, который позволил воспитать себя человеком, которым он предпочел бы не быть, поместить себя в мир, в котором он предпочел бы не жить, с женой, которую не выбирал.

Возможно, он любил отца слишком сильно.

В пасмурный, ветреный, сырой день, когда до Рождества оставалось два дня, Эдвин завершил свое долгое путешествие в Уайлдвуд-холл. Он с упавшим сердцем смотрел на внушительный каменный особняк. Это был его дом, но он этого никогда не чувствовал. Если бы здесь не было его жены и ребенка, он предпочел бы провести это Рождество где-нибудь в другом месте. Однако он был в достаточной степени сыном своего отца и просто не мог отвернуться от того, что ему принадлежало, или уклониться от своих обязательств.

Его отец никогда не понимал, что все, чего Эдвин хотел, — с гордостью носить его имя, иметь возможность вести семейный бизнес, при желании говорить с акцентом кокни, самому выбрать жену из своего круга, которая родила бы ему сыновей и дочерей, которые гордились бы своим наследием. Но в том, что отец не понимал этого, не было его вины. Ведь сам Эдвин никогда не говорил ему об этом, не желая разбивать самую заветную отцовскую мечту. Кроме того, он в течение нескольких лет знал, что отец в любой момент может умереть из-за порока сердца.

Возможно, было неправильно позволять управлять собственной жизнью, даже если причиной было не что иное, как любовь. Но он позволил, и теперь должен был отвечать за последствия.

Он не сомневался, что лорд и леди Тэмплер все еще были здесь. Они приехали всего лишь на один месяц, а пробыли уже пять. Он предполагал, что они останутся здесь жить до конца жизни. Их собственный дом был в запустении и нуждался во таком ремонте, который они не могли себе позволить. Таким образом, он должен был провести Рождество не только

с женой и сыном, но и с ее родителями, которые никогда не делали тайны из того, что презирают мужа дочери. Тогда, в сентябре, они вынудили его уехать. Он не стал настаивать на своем и бороться с ними, особенно с тещей, поскольку его жена была слишком слаба после рождения Джереми. На сей раз им не удастся выгнать его, пока он сам не будет готов уехать. Но мысль о неизбежном конфликте была неприятной.

Он спрыгнул с лошади у массивных двустворчатых дверей и передал поводья груму, появившемуся из конюшни, не дожидаясь, когда его позовут. Хотел бы он знать, заметили ли его приезд и в доме тоже, смотрели ли на него с таким же нежеланием, которое ощущал он сам. В этот момент двери изнутри распахнулись, и дворецкий, поприветствовав его со всем почестями, пригласил хозяина войти в дом.

Эдвин приветливо кивнул в ответ и пожелал дворецкому доброго дня.

— Миссис Чэмберс дома? — спросил он.

Однако в этот момент Элизабет сама прошла через лестничную арку, и он вновь был поражен ослепительной красотой, как и тогда, примерно тринадцать месяцев назад, когда впервые увидел ее. Она была высокой, обладала стройной, но женственной фигурой и держалась с аристократическим изяществом, которое было у нее в крови. У нее были темно-золотистые волосы, большие синие глаза и идеальные черты лица.

Она была как ледышка, именно это он подумал о ней в первую встречу, и с тех пор не произошло ничего такого, что изменило бы первое впечатление — неземная красота снаружи, но ледяной холод, безразличие внутри. Все в ее отношении и манере поведения говорило о том презрении, которое она испытывала к человеку, позволившему своему отцу купить ее в качестве трофея для сына.

Она сделала реверанс.

— Мистер Чэмберс, — сказала она. — Надеюсь, ваша поездка была приятной?

Он кивнул, вручая лакею шляпу, пальто и перчатки. Она никогда не называла его по имени, хотя он и просил ее, когда делал официальное предложение, превратившееся в фарс. И после того, как они поженились, он намеренно звал ее по имени, хотя она и не давала своего разрешения. Его рассердило ее холодное приветствие. В его мире женатые пары не обращались друг к другу с такой безличной формальностью.

— Да, спасибо, Элизабет, — ответил он. — У вас все хорошо? Вы поправили свое здоровье?

— Да, спасибо, — сказала она.

— А мой сын?

Она еле заметно поджала губы, что выдавало невысказанное раздражение. Эдвин пожалел, что он не может забрать свои слова обратно и спросить о Джереми, как об их общем сыне. Но он привык говорить «мой сын», когда с гордостью рассказывал друзьям о своем золотоволосом мальчике, которого в последний раз видел, когда ему было десять дней.

— У него все хорошо, спасибо, — сказала она.

Если бы, думал он с сожалением, он женился на женщине своего круга, то, возможно, она каждый вечер прошедшего года, когда он возвращался с работы, встречала бы его улыбкой и теплыми, радушными объятиями, желая поведать, как прошел ее день, и узнать, как он провел свой. Естественно, он думал бы об их ребенке, как о «нашем». Он видел бы сына каждый день его жизни.

Но винить во всем он мог только себя. Отец не вынуждал его вступать в этот брак. В

действительности он был бы в ужасе, если бы понял, что Эдвин на самом деле не хотел этого.

— Не желаете ли подняться в свою комнату и освежиться? — спросила она, окинув его взглядом и заставив остро осознать далекое от совершенства состояние одежды, в которой он большую часть дня проскакал верхом. — У меня в салоне гости.

— Лорд и леди Тэмплер? — спросил он. — Надеюсь, они в добром здравии?

— Да, благодарю вас, — ответила она, вздернув подбородок, и теперь стала выглядеть не только холодно, но и высокомерно. — Мы решили отпраздновать Рождество здесь. Вчера прибыли все члены моей семьи.

Что? О Господи! Даже не посоветовавшись с ним? А собирались ли они вообще ему об этом сообщать? Как, должно быть, огорчила его жену и ее семью весть о его скором приезде домой. И как же он теперь сожалел о своем решении! Если бы он мог, то без промедления покинул бы дом и вернулся обратно в Лондон. Вся ее семья? С большинством из них он даже не встречался. Их свадьба была пышной, но, кроме лорда и леди Тэмплер, их сына и невестки, остальные гости были с его стороны: члены семьи, его друзья, друзья отца. И все же теперь он не мог уехать.

Он не уедет. В конце концов, это был его дом.

— Я встречу и поприветствую их в Уайлдвуд-холле немного позже, — сказал он. — Но сначала я хотел бы пойти в детскую. Вы ко мне присоединитесь?

— Конечно.

Она повернулась и направилась вслед за ним через арку к лестнице. При этом она сцепила руки перед собой, тем самым не позволяя Эдвину предложить ей руку.

— Сколько прибыло гостей? — спросил он, когда они поднимались по ступенькам. Он слышал холод в собственном голосе. Ему никак не удавалось смягчить тон в разговоре с женой. Как можно поддерживать теплую беседу со снежной королевой?

— Тридцать два взрослых, — сказала она. — С вами тридцать три.

Он мысленно содрогнулся. При других обстоятельствах он, возможно, даже посмеялся бы над тем, что сделал число гостей нечетным. Несомненно, его жена и теща тщательно спланировали, чтобы количество людей на семейном торжестве было четным. Он мог побиться об заклад, что среди этих тридцати двух было равное количество мужчин и женщин, хотя обычно никто не ждал, что семья идеально впишется в такую схему.

Он был удивлен, когда открыл дверь в детскую и остановился на пороге, пропуская жену вперед. Он ожидал, что в комнате будет тихо, учитывая, что в ней находился спящий ребенок. Вместо этого там стоял веселый гвалт. Естественно, ведь в ее семье были не только взрослые, но и дети. Похоже, их было достаточно много, и все хотели играть и разговаривали — вернее, кричали — одновременно. В комнате было несколько нянь, которые присматривали за детьми, но даже не пытались их приструнить.

Несколько детей прервали свои занятия, чтобы узнать, кто же пожаловал к ним в комнату. Некоторые подошли ближе, и рыжий веснушчатый мальчик потребовал сказать ему, кто такой Эдвин.

— Не забывай о манерах, Чарльз, — строго сказала Элизабет, но, несмотря на это, подоброму взъерошила волосы наглеца. — Это твой... дядя. Чарльз — старший сын Берти, — объяснила она, имея в виду брата. Она назвала по имени остальных детей, которые были детьми кузенов или кузин.

— Как тебя зовут? — спросил Чарльз.

— Чарльз! — возмущенно воскликнула Элизабет.

Но Эдвин поднял руку.

— Вы замечали, — спросил он, подмигнув мальчику, — что если ребенок не знает чего-то, что должен знать, взрослые неизменно говорят ему, что он должен об этом спросить? А когда он все-таки спрашивает, взрослые расценивают это как дерзость?

— Да-а-а-а! — громко согласились дети, и Эдвин усмехнулся.

— Это дядя... Эдвин, — объяснила Элизабет.

Послышался хор просьб, чтобы дядя Эдвин поиграл с ними.

Он со смешком снова поднял руку, требуя тишины. Почти у всех его близких друзей были маленькие дети, которые по какой-то необъяснимой причине всегда видели в нем потенциального приятеля. Его друзья утверждали, что это происходит потому, что в глубине души он все еще оставался ребенком. И любил детей.

— Завтра, — пообещал он. — Мы так много будем играть, что вы даже захотите лечь спать пораньше. Более того, вы будете просто умолять ваших нянь, чтобы они отвели вас в кровать.

Дети недоверчиво зашумели, а Чарльз, который был здесь кем-то вроде заводилы, фыркнул.

— Обещаю, так и будет, — сказал им Эдвин. — Но сегодня я пришел, чтобы увидеть своего сына, его зовут Джереми. Никто не видел, он здесь случайно не пробежал? — спросил он, оглядываясь по сторонам и всем своим видом демонстрируя притворную озабоченность.

— Не-а, — с превосходством в голосе сказал ему какой-то пухлый мальчик. — Он ведь всего лишь малыш.

— Я хотела поиграть с ним, — добавила маленькая девочка, — но ему надо было спать. Он правда ваш? Он ведь и тети Лиззи.

Элизабет повела мужа в комнату, смежную с детской.

— Вы не должны были давать им обещания насчет завтра, — сказала она с тихим упреком. — Они будут разочарованы, когда вы его не сдержите. Дети такое не забывают.

Он не ответил. В комнате было тихо и царил полумрак, потому что окна были занавешены, но малыш не спал. Эдвин слышал его воркование и видел, как он машет кулачками, лежа на спине в своей кроватке. Когда Эдвин подошел ближе, малыш внимательно посмотрел на отца. Эдвин с трудом сглотнул и был рад, что жена стояла далеко позади него. Он мечтал об этом почти три месяца.

Это был самый горький опыт в его жизни — быть так далеко от своего ребенка. Он продумывал множество вариантов, чтобы быть с ним рядом, включая даже покупку второго дома в Лондоне для Элизабет. Но, если бы они жили в городе в разных домах, возникло бы слишком много щекотливых вопросов. И все же ему казалось невозможным поселить семью в доме, ранее принадлежавшем отцу, даже при том, что большой дом был со вкусом обставлен, комфортабелен и расположен в фешенебельном районе города. В конце концов, всем было известно, что это дом преуспевающего торговца.

— Он подрос, — сказал Эдвин.

— Конечно. Ведь вы не видели его почти три месяца.

Неужели она обвиняет его?

— У него выпали волосы, — сказал он.

— Это естественно, — ответила она. — Они вырастут снова.

— Вы все еще кормите его... грудью? — Он помнил, как был удивлен, когда ее мать

вместе с доктором были категорически против ее решения не нанимать кормилицу. Это был единственный раз, когда она пошла против воли матери.

— Да.

Она не сделала попытки взять ребенка на руки, и, судя по всему, малышу было вполне хорошо и так. А Эдвину очень хотелось взять его на руки, но он боялся даже прикоснуться к нему.

— Он выглядит вполне здоровым, — сказал он.

Почему он никогда не мог поговорить с Элизабет нормально, а все его слова были либо суровыми, либо банальными? Они никогда не разговаривали. Они делили супружескую постель в течение двух недель, которые он предпочел бы забыть, поскольку все это время она была холодной, безразличной и каждую ночь в постели вела себя как овечка на заклании, однако по-прежнему оставались почти молчаливыми незнакомцами, которым было неуютно друг с другом.

— Вы хотели подняться в комнату, — напомнила она. — Вы присоединитесь к нам позже за чаем?

— Полагаю, я воздержусь от удовольствия видеть наших гостей до ужина, — ответил он.

Она кивнула. Даже холодная невозмутимость на ее лице, как ему показалось, не в силах была скрыть ее облегчения. Он жестом указал на дверь, пропуская жену вперед. И не стал предлагать ей руку.

Его приезд сюда был ошибкой — и это было сильным преуменьшением. Ему следовало остаться в Лондоне, ведь он получил множество приглашений провести праздник в компании добрых друзей, где он мог позволить себе расслабиться и быть самим собой. Но Эдвин вспомнил об отце и вообразил, как бы тот расстроился, если бы увидел, что его сын встречает Рождество вдали от жены и сына, и это всего лишь спустя год после свадьбы, которая исполнила мечту пожилого человека и сделала его счастливым.

* * *

Элизабет дольше чем обычно выбирала наряд и наконец, остановившись на вечернем платье светло-голубого цвета, который, как она знала, очень ей шел, заранее спустилась перед ужином в гостиную. Однако мистер Чэмберс все равно оказался там раньше. Он стоял перед мраморным камином, сцепив руки за спиной, и выглядел хозяином дома. Она с облегчением увидела, что он был одет строго, но безукоризненно в черное и белое. Хотя разве она ожидала чего-то другого? Она никогда не видела, чтобы он выглядел неряшливо, и не слышала ничего кроме чистой правильной речи. Он степенно поклонился ей, а Элизабет сделала реверанс. Так странно было сознавать, что он был ее мужем уже больше года и этот дом принадлежал ему.

У них не было возможности поговорить. Дверь вновь открылась, и вошли лорд и леди Тэмплер с тетей Мартой и дядей Рэндольфом.

— Мэм, сэр, — сказал Эдвин, приветствуя родителей жены, и вежливо поклонился. — Позвольте вас поприветствовать.

— Мистер Чэмберс, — высокомерно произнесла леди Тэмплер, наклонив голову, отчего перья в ее прическе также наклонились. — Надеюсь, у вас все хорошо?

Элизабет представила тетю и дядю, и мистер Чэмберс приветствовал их поклоном.

— Добро пожаловать в Уайлдвуд, — сказал он им. — Я рад, что вы присоединились к нам с Элизабет, чтобы отпраздновать Рождество.

В течение следующего получаса, пока вся семья спускалась к обеду, ему еще много раз пришлось повторить эту фразу. Элизабет была все это время рядом с ним, представляя гостей и ощущая огромное облегчение. Она боялась, что он позволит ее матери взять бразды правления в свои руки и обращаться с ним как с гостем — низшего происхождения, к тому же незванным. Это было бы просто унижительно.

Однако ее мужу предстояло следующее испытание.

Когда появился дворецкий, чтобы пригласить всех к обеду, лорд и леди Тэмплер оказались близко к двери, поэтому незамедлительно перешли в столовую. Все остальные дождались, когда мистер Чэмберс предложит руку тете Марте, и затем последовали за ними. Элизабет, шедшая под руку с дядей Рэндольфом, съежилась от неучтивости, которую ее родители проявили по отношению к хозяину дома, и надеялась, что удастся избежать неприятной сцены.

— Не будете ли вы так любезны, сэр, — с почтением обратился к тестю мистер Чэмберс, когда они вошли в столовую, — занять место по правую сторону от Элизабет у основания стола? Мэм, — добавил он, обращаясь к матери Элизабет, — окажите мне честь и сядьте с правой стороны от меня во главе стола.

Позади них в столовую стекались остальные члены семьи, и Элизабет в ужасе посмотрела на мать, чья грудь вздымалась от негодования.

— Лиззи, — сказала леди Тэмплер, игнорируя мистера Чэмберса, — твой отец — джентльмен высшего ранга здесь, и он глава нашей семьи.

Но не семьи мистера Чэмберса, могла бы возразить Элизабет и, возможно, произнесла бы это вслух, если бы отец не спас ее, проявив свою власть, что бывало нечасто.

— Успокойся, Гертруда, — сказал он и отошел в конец стола.

У леди Тэмплер не было иного выбора, как пройти на указанное место, где она на протяжении всего обеда игнорировала зятя, предпочитая тепло общаться с дядей Освальдом, который сидел по другую руку от нее. Мистер Чэмберс беседовал с тетей Мартой и Берти сидевшим рядом с ней, и выглядел абсолютно спокойным и любезным, как будто развлекать гостей из высшего общества было для него привычным занятием.

Ждала ли она, что он будет неловким? Конечно, подсознательно она этого опасалась.

К тому же он был потрясающе красив. Его вид отвлекал Элизабет, игравшую непривычную роль хозяйки дома, и она, вспоминая те тревожащие душу две недели, что они провели вместе в прошлом году, жалела, что он приехал и испортил Рождество ей и всем присутствующим, несомненно, включая себя самого. В то же время она сожалела о внезапной кончине его отца, который ей нравился.

Будь он жив, скорее всего, они с мистером Чэмберсом не жили бы весь прошлый год раздельно. Тогда, возможно, они смогли бы сделать из своего брака что-то приемлемое. Лично она была готова над этим работать, страстно желая избавиться от зачастую обременительного влияния матери и стать хозяйкой собственного дома. Ведь Элизабет с первого взгляда влюбилась в мистера Чэмберса.

Когда дамы после ужина удалились в гостиную, оставив джентльменов с их портвейном, леди Тэмплер все еще была полна праведного гнева.

— Неслыханно! — воскликнула она. — Какая дерзость! Должна сказать, я очень удивлена, Лиззи, что ты не вмешалась и молча наблюдала, как твоего отца оскорбляет

человек столь низкого происхождения.

— Тише, мама, — сказала Элизабет, с ужасом думая, что эти слова слышали ее невестка и все тетушки и кузины. — Это дом мистера Чэмберса.

И этот самый «человек столь низкого происхождения» был ее мужем.

— Лиззи! — Голос матери задрожал от негодования. — Никогда не думала, что доживу до того дня, когда собственная дочь будет затыкать мне рот. Нет, ты видела, что случилось, Марта? А ты, Беатрис? Когда я поднялась, чтобы, как и положено согласно моему рангу и положению, которое я занимаю в семье, вывести дам из столовой, этот человек имел наглость положить руку мне на плечо и кивнуть Лиззи, чтобы это сделала она.

Элизабет была подавлена и обеспокоена. У нее никогда не получалось противостоять матери — даже когда ей сообщили, что она должна выйти замуж за богатого торговца, чтобы восполнить семейное состояние. Но мистер Чэмберс был ее мужем, и она должна быть ему верной больше, чем кому бы то ни было еще — включая свою мать.

— Мистер Чэмберс вправе ожидать, что хозяйкой в его доме буду я, мама, — сказала она. — Я его жена. Все мужчины ожидают именно этого.

— Только послушайте! — На скулах матери проступили два красных пятна. — Ты самая неблагодарная из дочерей, Лиззи! Ты меня очень расстроила. Кроме того, как ты собираешься быть хозяйкой такого большого приема, если у тебя нет никакого опыта? Да еще притом, что тебе нужно уделять внимание Джереми. Я отдала тебе почти полгода моей жизни, и вот какую благодарность я получаю взамен?

— Я действительно ценю твою помощь, мама, — сказала Элизабет. — Ты это знаешь.

В этот момент ее плеча коснулась невестка.

— Лиззи, пойдем со мной к компании у фортепиано, — сказала она с улыбкой. За восемь лет брака у нее был свой опыт столкновений со свекровью.

Элизабет, признательная за предлог, позволивший ей избежать дальнейшей беседы с матерью, тем не менее почувствовала себя виноватой, когда Аннабель взяла ее под руку и увела прочь. Она солгала матери. Она не была благодарна.

Она с ужасом наблюдала, как сентябрь сменяется октябрём, а октябрь — ноябрём, а никаких признаков того, что родители намереваются вернуться домой и оставить ее вновь хозяйкой Уайлдвуда, не было. Несмотря на одиночество и чувство подавленности из-за того, что ее брак явно не удался, Элизабет понравилось в течение нескольких месяцев быть хозяйкой собственного дома.

Позже вечером, когда все собрались в гостиной, вновь случилась неприятность. Там были установлены два стола для игры в карты. Некоторые из гостей предпочли беседовать возле камина. Группа молодых людей собралась у фортепиано, послушать игру юной Гарриет. Элизабет наблюдала за игрой в карты, размышляя над тем, что, судя по всему, это Рождество вновь будет предсказуемым и утомительным. В прошлый год она вступала с большими надеждами на совершенно другую жизнь. Она искренне радовалась предстоящему браку, особенно после того, как познакомилась с веселым мистером Чэмберсом, а затем с его сыном. Но все ее радужные мечты не оправдались, за исключением того, что теперь у нее был Джереми.

Мистер Чэмберс отделился от группы у камина и приблизился к ней.

— Мы будем украшать завтра дом? — спросил он.

— Украшать? — непонимающе посмотрела на мужа Элизабет.

— На Рождество. — Он удивленно поднял брови. — Обычно дом украшают падубом,

плющом, сосновыми ветками и омелой.

— О, — сказала она.

— И венками из омелы для поцелуев.

Гарриет как раз закончила играть. В то же время затихла беседа у камина. Поэтому его слова были слышны всем.

— Что? — переспросила леди Тэмплер, отрываясь от карт.

— Нужны венки из омелы для поцелуев, мэм, — повторил мистер Чэмберс. — И другие украшения, чтобы дом выглядел праздничным. Вы ничего не планировали, Элизабет?

— Мы никогда не использовали рождественские украшения, — сказала она. Иногда ей было жаль, что они этого не делают. Однажды в их деревне залы для приемов украсили для предстоящего рождественского бала. Они выглядели очень нарядно и чудесно пахли сосной.

— Значит, в этом году будем, — объявил он.

Со стороны фортепиано послышался гул, свидетельствующий о явном интересе.

— Венки из омелы, — мечтательно повторила юная Сьюки, и затем раздался приглушенный мужской смех и более высокий девичий.

— Я всегда любила сделанные со вкусом рождественские украшения, — сказала тетя Марта, кинув извиняющийся взгляд на леди Тэмплер. — Мы как-то раз украшали дом, когда проводили праздник дома. Ты помнишь, Рэндольф? Но, признаюсь, венков из омелы не было. Думаю, это было бы вульгарно.

— В этом доме, несомненно, ничего подобного не будет, — сказала леди Тэмплер тоном, означавшим, как все знали, что спорить бесполезно. — В нашей семье нет места такой буржуазной пошлости. Если мистеру Чэмберсу так хочется, Лиззи, завтра я отправлю слуг за ветками, но дам строгие указания относительно того, что можно принести.

— О да, это мое желание, мэм, — уверил ее мистер Чэмберс. — Но не стоит загружать слуг дополнительной работой, когда, осмелюсь сказать, они и так сейчас заняты больше обычного. К тому же часть удовольствия заключается в том, чтобы делать украшения своими руками. Я сам завтра утром наберу все необходимые для этого ветки. В западном лесу их должно быть более чем достаточно. Кто-нибудь желает ко мне присоединиться?

Несколько молодых людей высказали робкое согласие, другие нерешительно поглядывали в сторону родителей и леди Тэмплер, и если бы посмели, тоже бы присоединились, подумала Элизабет.

Она молча смотрела на мужа и удивлялась, что он снова и снова бросает вызов ее матери. В прошлом году он настолько безропотно принял волю отца, что она посчитала его человеком, легко поддающимся влиянию.

— Я спрошу у садовников, — сказал он, — есть ли где-нибудь в парке омела. Что за Рождество без омелы.

Молодые люди вновь захихикали.

— Дети тоже должны пойти, — сказал он. — Я пообещал с ними завтра поиграть и лишить их сил, чтобы они захотели спать. Сбор веток в лесу и затем украшение дома поможет мне выполнить оба обещания.

— Младшее поколение этой семьи, — с подчеркнутой любезностью сказала леди Тэмплер, — как и положено, останется в детской со своими нянями, мистер Чэмберс. Может, вы и привыкли к тому, что детям можно носиться по дому, но в *благородном обществе* так не принято.

Элизабет прикусила губу, не осмеливаясь посмотреть на мужа.

— Что ж, — добродушно ответил он, — думаю, мы должны позволить их родителям решать, что им можно, а что нет, мэм. Завтра нам надо будет рано выйти из дома. — Он усмиряюще поднял руку, когда со стороны фортепьяно раздался дружный стон. — Завтра сочельник. Потом нам предстоит украсить дом и сделать это хорошо. Так что день будет насыщенным.

Дядя Освальд кашлянул и отложил карты.

— Время от времени я занимаюсь резьбой по дереву, — смущенно произнес он. — Если желаете, Чэмберс, думаю, что смогу вырезать своего рода рождественскую сценку. Кажется, я пару раз вырезал такую на Рождество, когда дети были маленькими.

— Да, так и было, папа, — подтвердила Сьюки, — Пожалуйста, ну, пожалуйста, можно я тоже пойду завтра с кузенком Эдвином собирать ветки? Можно, мама?

— Я обычно помогал тебе, папа, — добавил юный Перегрин. — Я мог бы помочь и в этом году, только не хочу пропускать прогулку.

— Думаю, вы сможете сделать и то, и другое, — уверил его мистер Чэмберс. — Вы поможете вашему отцу днем, пока мы будем украшать дом.

— Мы с Мартой планировали съездить завтра утром в деревню, — сказала тетя Беатрис. — Наверняка, если поищем, мы сможем найти там в магазине красивую атласную ленту. Верно, Лиззи? Она понадобится, чтобы сделать украшения еще красивее, — добавила она, не глядя на леди Тэмплер.

— Сомневаюсь, Беатрис, что завтра вы сможете куда-либо добраться в карете, — сказала леди Тэмплер с ноткой торжества в голосе. — И никто не сможет выйти за порог, чтобы набрать веток для украшения. Ночью наверняка выпадет столько снега, что мы будем заперты в доме.

— Я и рассчитываю на то, что выпадет снег, мэм, — заверил ее мистер Чэмберс. — Если мы будем только работать и совсем не будем развлекаться, то сочельник точно будет скучным. Игра в снежки — это именно то, что поднимет настроение, разгонит кровь и при этом не слишком нас задержит. Но для этого нам совершенно определенно нужно встать пораньше.

При упоминании снега молодые люди заметно оживились. Леди Тэмплер встала и презрительно оглядела присутствующих.

— Я, со своей стороны, не собираюсь участвовать во всей этой вульгарной чепухе, — объявила она. — И если Лиззи не может проявить себя как хозяйка дома, тогда я...

— Мама! — резко перебила ее Элизабет. — Если мистер Чэмберс говорит, что дом на Рождество нужно украсить, то мы его украсим. В том числе и венками из омелы.

— Лиззи! — Грудь ее матери вздымалась от ярости.

— Помолчи, Гертруда, — не отрывая глаз от карт, посоветовал отец Элизабет, во второй раз за вечер проявив свою супружескую власть.

Элизабет заметила пристальный взгляд мужа, но тут же отвернулась. Сердце у нее в груди билось в бешеном ритме. Она только что открыто не подчинилась матери! Но разве могла она поступить по-другому?

— Простите, — внезапно сказала она. — Я должна подняться к Джереми.

Наверняка он проголодался и был готов к вечернему кормлению. Она лишь надеялась, что ее молоко не прокисло.

До сегодняшнего дня она ни разу не видела, как мистер Чэмберс улыбается, думала Элизабет, спеша вверх по лестнице. Однако он улыбался детям сегодня днем и еще больше

— в гостиной, когда посмеивался над энтузиазмом ее молодых кузенов относительно его планов на завтра. И он предложил нечто, что обещало веселье, которого ее сердце так страстно желало.

Игру в снежки.

Сбор веток в лесу.

Украшение дома.

Поцелуи под венками из омелы.

Ее никогда не целовали — смешной факт, учитывая то, что она была женой и матерью. Но муж никогда не целовал ее. А до него у нее не было поклонников.

Они собирались украшать дом на Рождество — именно они, а не прислуга. И у них будут венки из омелы для поцелуев. Элизабет поспешила по коридору в детскую. Они собирались веселиться.

По крайней мере, замедляя шаги, мысленно поправилась она, дети и молодежь собирались веселиться. *Но я же тоже не старуха*, напомнила она себе. Ей не было даже двадцати. Вот только казалось, что ее юность где-то каким-то непостижимым образом затерялась.

Она была замужней женщиной с ребенком. Ожидалось, что она останется в доме.

* * *

Предсказание леди Тэмплер оказалось верным. Вчерашний серый, сырой день сегодня преобразился в волшебный белый мир. Несколько дюймов снега полностью покрыли двор, а снег все падал. Эдвин сразу понял, что им повезло стать свидетелями и насладиться редким явлением — снежным Рождеством.

Все родители не только позволили своим детям присоединиться к походу за ветками, но и сами решили выйти на свежий воздух. В детской остались только два младенца, в том числе и сын Эдвина. Остальные дети, их родители и большинство молодежи тепло одетые собрались в холле вскоре после завтрака, болтая, смеясь и находясь в приподнятом настроении.

Эдвин видел, что большинство родителей и молодых людей были здесь, но одной молодой мамы явно не хватало. Неужели он ожидал, что она придет? Накануне вечером она удивила его тем, что защищала его, выступив против матери, но она делала это с холодным достоинством, как бы говоря, что выказывает лишь подобающее жене повиновение. Ничто не говорило о том, что она в восторге от его планов или же что она собирается в них участвовать. Лучше было бы не обращать внимание на ее отсутствие. Она оставалась все той же ледяной девой, на которой он женился, пусть уже и не была девушкой. Ее отстраненность помешала ему прийти вчера вечером в ее постель, хотя он думал об этом еще до того, как приехал в Уайлдвуд-холл. В конце концов, официально они не жили отдельно. Однако его все равно мучили сомнения, даже когда в холле все устремили взгляды на него в ожидании указаний.

— Я кое-что забыл, — сказал он. — Дайте мне пять минут.

Он быстро прошел через арку и стал подниматься по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и с некоторым удовлетворением представляя реакцию леди Тэмплер, если бы она его сейчас увидела. За завтраком она с надменным достоинством его игнорировала.

В своей комнате Элизабет не было. Она могла быть где угодно, но он предположил, что обнаружит ее в детской, и не ошибся. Она стояла у окна в комнате Джереми и смотрела вниз, как будто ожидая, что компания, собравшаяся гулять, в любой момент высыплет из дверей на улицу.

Ребенок спал в кроватке.

— Мы собираемся выходить, — сказал он.

— Неужели? — Она повернулась к нему с прямой спиной, королевским видом и без улыбки.

Похоже, он потратил время впустую, поднимаясь сюда, чтобы поговорить с ней, подумал он. Фактически ведь он, вероятно, испортил ей Рождество.

— Вы нужны ребенку?

— Я только что покормила его, — ответила она. — Ваше рвение увидеть его, конечно же, уменьшилось со вчерашнего дня. — Она говорила мягко, но упрек был очевиден.

— Я был здесь рано утром, — сказал он, чувствуя как в груди поднимается волна гнева. Зачем она вышла за него замуж, если так презирает? Хотя ответ на этот вопрос был вполне очевиден. Конечно, это был не ее выбор. — Няня меняла ему пеленки, и он был сильно не в духе, хотя она уверила меня, что он вряд ли хотел есть. Я держал его на руках в течение получаса. — Он держал своего крошечного сына на руках, прижимая его к плечу и ощущая невероятную нежность. — Он на несколько минут практически оглушил меня на правое ухо, но в конце концов нашел утешение в жевании парчового воротника на халате своего папы.

Уже не в первый раз Эдвин задавался вопросом — как будет расти его сын. Станет ли он также презирать отца и стыдиться его происхождения?

— Я не знала этого, — заметила его жена. — Няня мне ничего не сказала.

— Полагаю, — произнес он, — вы не хотите пойти с нами на улицу?

— Собирать ветки? И играть в снежки? — Она казалась потрясенной.

— Нет. — Он быстро кивнул и повернулся к двери. — Думаю, нет. Мы, скорее всего, опоздаем на обед. Вы могли бы приказать подать его на час позже. — Если ее мать допустит, конечно, нарушение устоявшего порядка в доме.

Он был уже возле двери внешней детской — безлюдной этим утром, — когда ее голос остановил его. Она вышла из спальни Джереми и закрыла за собой дверь.

— Мистер Чэмберс, — начала она, и это формальное обращение усилило его раздражение, однако он вежливо повернулся к ней. — Вы хотите, чтобы я пошла с вами?

Она выглядела как-то по-другому: менее спокойной, не такой уверенной в себе. В ее глазах застыла какая-то тоска. Она выглядела юной, и он вспомнил, что она действительно была очень молодой. Ей было восемнадцать, когда они поженились — на пять лет меньше, чем ему.

Он подавил свой первый порыв сказать, что она должна поступить так, как хочет сама.

— Да, — выпалил он. И это была правда. Он по-прежнему был абсурдно, по уши влюблен в нее, как и тогда, когда впервые увидел. И если она все еще презирала его из-за его происхождения и за то, что он позволил отцу купить ее для него из-за ее высокого положения в обществе, что ж, так тому и быть. Но он приехал сюда, чтобы посмотреть, можно ли как-нибудь исправить их брак, пока их раздельное проживание не затянулось настолько, что уже ничего нельзя будет сделать.

— В таком случае, — сказала она, и ее холодность вновь вернулась, — я пойду переоденусь. Нет необходимости меня ждать.

Неужели тоска в ее глазах ему привиделась? И она идет просто потому, что он попросил ее? Просто потому, что должна повиноваться мужу? Не будет ли она несчастна, гуляя в снегу на морозе? Не испортит ли прогулку всем остальным?

— Мы будем ждать вас снаружи, — сказал он.

* * *

Снег все еще шел. Крупные хлопья, кружась, опускались с тяжелого серого неба. Ступеньки перед домом недавно подметали, но они уже вновь были припорошены. Элизабет вышла на крыльцо и почувствовала себя так, словно вступает в незнакомый, зачарованный мир.

Для нее снег всегда означал, что она будет сидеть дома. На нем можно было поскользнуться и сломать ногу. Хуже того, через него нужно было пробираться, теряя достоинство, особенно если неуклюже упадешь. Гулять по снегу, кататься на санях, лепить снеговика, расчищать водоем или озеро, чтобы можно было покататься на коньках, — все это были занятия для низших слоев общества, у которых не было чести, которую можно было бы уронить. Игра в снежки была немыслима, даже для детей.

Когда Элизабет была ребенком, ей иногда было жаль, что она родилась аристократкой.

Они находились на большой белой площадке, некогда южной лужайке, — все дети, большинство кузенов, котором было столько же лет, сколько и Элизабет, ее брат Берти, Аннабель и мистер Чэмберс. Дети стремительно носились вокруг и визжали, гоняясь друг за другом. Леди смеялись; мужчины с громкими вогласами пытались скользить по снегу, который был слишком глубоок, и продолжали терпеть неудачу. Все откровенно наслаждались происходящим.

Даже тетя Амелия и дядя Хорас были на улице, они стояли на заснеженной террасе, смотрели на открывающуюся картину и улыбались.

Эта сцена, наполненная диким, неограниченным весельем, была настолько чуждой жизненному опыту Элизабет, что она чувствовала себя подавленной. Сможет ли она когда-нибудь так же свободно радоваться? Ее воспитывали в убеждении, что веселье и отсутствие благородного воспитания, подобающего леди, — синонимы. Она уже готова была развернуться и убежать домой прежде, чем кто-либо увидит ее. Но мистер Чэмберс, похоже, наблюдал за ней. Он пробрался к ней сквозь снежный покров, его глаза блестели, а лицо покраснелось от холода и движения. Он выглядел невероятно мужественным и красивым.

— Возьмите мою руку, — сказал он, подходя к нижней ступеньке.

Она вложила свою руку в его и вспомнила с острой болью, как была очарована им, когда он приехал делать ей предложение. Она наивно думала тогда, что он будет ее спасением от унылой, ограниченной жизни, и введет ее в мир, где теплота, любовь и смех ее преобразят. Она уже встречалась с его отцом и полюбила его, несмотря на — или как раз наоборот — именно за те качества, что так презирала ее мать. Звучит абсурдно, но ей захотелось, чтобы он был ее отцом. Сын был намного моложе и красивее, чем она ожидала. Однако ей не потребовалось много времени, чтобы понять, что за его правильным, серьезным поведением скрывалось презрение к ней за то, что она позволила себя купить.

Но сегодня утром она не хотела думать об этом. Он приехал в Уайлдвуд на Рождество и специально пришел в детскую этим утром, чтобы пригласить ее на прогулку. Он отпустил ее

руку, как только она благополучно спустилась, и, вложив два пальца в рот, оглушительно засвистел. Элизабет удивленно посмотрела на него, также как и все остальные.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В эти минуты легко было поверить, что перед ними успешный бизнесмен, привыкший организовывать и командовать. Он объявил, что пришла пора играть в снежки и нужно разделиться на две команды примерно равных по количеству людей и огневой мощи.

Элизабет с удовольствием осталась бы стоять рядом с тетей и дядей и наблюдать за всем, но ей не дали выбора. Ее включили в одну из команд, и она осторожно вышла на лужайку, чтобы присоединиться к товарищам по игре. Аннабель поймала ее за руку и сжала ее.

— Лиззи, — сказала она, — я так рада, что ты пришла насладиться снегом. Но как ты смогла сбежать от мамы? — Она засмеялась и тотчас прикрыла рот рукой в варежке. — Забудь, что я сказала. О, Господи, я играю и против Берти, и против Чарльза. Они в другой команде.

Снег под ногами Элизабет был мягким и вовсе не таким скользким, как она предполагала. Он почти достигал верха ее ботинок.

— Он блестит, — сказала она, — даже при том, что нет солнца, как будто кто-то покрыл его тысячами маленьких блесток. Как же это красиво.

Но ей дали мало времени на то, чтобы восхититься ее первым знакомством со снегом.

Две команды выстроились на нейтральной территории друг против друга, и мистер Чэмберс вновь засвистел, давая сигнал к началу боя.

Большинство игроков, как скоро стало ясно Элизабет, вооружились заранее. Снежки взмыли в воздух, и визги, крики и смех свидетельствовали о том, что большинство из них достигли цели.

Элизабет уклонялась от активного боя, не зная, что делать. Она начала чувствовать себя несчастной посреди такого искреннего оживления. Ей никогда не разрешали играть и наслаждаться — она просто не знала как. Она была леди.

И тут снежок попал ей прямо в подбородок и начал капать за ворот ее накидки, прежде чем она успела убрать его оттуда. Другой ударил ее по плечу. В этот момент она думала только о дискомфорте и хотела вернуться домой, где было тепло, тихо, сухо, спокойно и все было ей знакомо.

— Лучшая защита — это нападение, — заметил муж, останавливаясь рядом с ней, и, бросив снежком в Перегрину, ее главного мучителя, попал ему прямо в нос.

Элизабет рассмеялась и внезапно почувствовала воодушевление. Она наклонилась, зачерпнула горстку снега, слепила снежок и тоже бросила его в Перегрину, который все еще отплевывался и пытался очистить лицо. Снежок попал ему в грудь, и Элизабет радостно рассмеялась, хотя другой снежок от неизвестного противника попал ей в плечо.

После этого она забыла о дискомфорте, холоде и достоинстве и бросала снежки с такой скоростью, с которой могла их слепить, в каждого противника, который оказывался в пределах ее досягаемости.

Вскоре, даже не понимая этого, она безудержно смеялась. Она оказалась облеплена снегом с головы до пят, но прошло несколько минут, прежде чем она улучила момент, чтобы безуспешно хлопнуть по накидке варежками, также забитыми налипшим снегом.

К тому времени как борьба поутихла, дети уже нашли себе еще большую забаву. Они схватили мистера Чэмберса, двое из них повисли на его руках, и по одному на каждой ноге, а

остальные его толкали. Со свирепым ревом он повалился на спину.

— Закопаем дядю Эдвина! — завопил несколько раз Чарльз, и другие дети подхватили его клич, пока он не перерос в скандирование.

Они стали заваливать его снегом так, что в итоге остались видны только плечи и голова — и его шляпа, которая была по-щегоольски сдвинута на бок.

— Бедный мистер Чэмберс, — заметила тетя Амелия.

— Должен сказать, он веселый малый, — прокомментировал дядя Хорас. — Со мной они бы такое ни за что не проделали.

Элизабет стояла и наблюдала, как остальные взрослые и молодые люди по возможности отряхивали себя и друг друга от снега и восстанавливали дыхание. Мистер Чэмберс хохотал и картинно сопротивлялся, чтобы развеселить детей. Она чувствовала себя так, будто смотрела на незнакомца. Куда делся холодный, не имеющий чувства юмора строгий человек, за которого она вышла замуж? Интуитивно дети выбрали именно того взрослого, который потворствовал им и играл с ними, позволяя забавляться с собой. Как они узнали?

Впервые Элизабет увидела в муже сына того сердечного, веселого человека, который договорился о браке с ее родителями, при этом настояв на личной встрече с ней, чтобы убедиться, что ее не принуждают вступить в брак. Сейчас казалось, что ее муж обладал той же самой щедрой, веселой натурой, хотя и не показывал этого при ней.

Она почувствовала, как вновь погружается в уныние. Конечно, он не хотел жениться на ней. Он не любил ее. Скорее всего, он презирал ее.

Пять минут спустя игровая часть этого утра была завершена, и они все довольно дружно двинулись в сторону западного леса.

Элизабет заметила, что мистер Чэмберс передвигался без видимых усилий. И действительно, ни у кого не было чувства, что теперь они принялись за тяжелую работу. Казалось, они просто придумали новую забаву.

Мистер Чэмберс разделил всех на четыре группы, две из них должны были собирать сосновые ветви, третья — падуб, а четвертая — искать омелу. Садовники уверили мистера Чэмберса, что они смогут ее найти на старых дубах. Он руководил четвертой группой, в которой были Элизабет, кузина Миранда и ее жених сэр Энтони Уилкинс.

Элизабет не могла поверить, что делает это. Снег был глубоким и налипал на ботинки, пальцы в перчатках покалывало от холода, а щеки и нос почти онемели и, должно быть, были неподобающе красными, и все же она не променяла бы это утро и не вернулась бы домой даже за все сокровища мира. Она поняла, что за всю свою жизнь и вполтину не наслаждалась так, как сегодня. И у нее есть только сегодняшней день и, возможно, завтрашний, хотя Рождество всегда было для Элизабет одним из самых нелюбимых дней в году. После того, как оно закончится, мистер Чэмберс наверняка вернется в Лондон, и пройдет еще очень много времени, прежде чем она увидит его вновь. И она больше никогда не увидит его таким, как сейчас.

— Возможно, вы сможете отвести нас туда, где растут дубы, — спросил он Элизабет.

Однако, хотя она и была знакома с парком, она никогда не рисковала заходить глубоко в лес. Они несколько минут блуждали, прежде чем нашли то, что нужно. К счастью, снег здесь не был таким глубоким, поскольку кроны деревьев служили своего рода крышей.

— Как я и думал, — сказал мистер Чэмберс, когда они подошли к крепкому, древнему дубу. — Она достаточно далеко от земли.

Он говорил про омелу. Элизабет запрокинула голову назад и посмотрела наверх, чтобы

убедиться, что нужные ветки находятся на недосыгаемой высоте. Он же не хотел...

— Желаете рискнуть вашей шеей? — спросил он, взглянув на сэра Энтони.

Все знали, что Энтони влюблен в Миранду, и он был рад произвести на нее впечатление. В итоге двое мужчин начали взбираться по веткам дерева, в то время как Миранда нервно затаила дыхание, а Элизабет прижала руку в перчатке ко рту. Они же разобьются!

— Не поскользнитесь, — предупредила Миранда жениха и, понизив, голос сказала: — О Лиззи, я так восхищаюсь мистером Чэмберсом. Он вовсе не скучный, правда? И даже совсем не вульгарный. Я так счастлива за тебя. Мама сказала в прошлом году, что это большой позор, что ты была вынуждена выйти замуж за торговца только потому, что тетя и дядя были так непредусмотрительны, но в этом году, я уверена, она поменяет свое мнение. Он такой веселый.

Да, веселый. С другими людьми. Но не с ней. Она ему не нравится.

— О, Эдвин, действительно, будьте осторожны! — Она вновь прижала руку ко рту. Его нога соскользнула, но почти тотчас же он восстановил равновесие и улыбнулся ей сверху.

Она почувствовала слабость в ногах. Потому что он чуть не упал? Или же потому что он улыбнулся ей? И она назвала мужа по имени, смущенно поняла Элизабет.

Энтони спустился первым. В одной руке он торжествующе держал целый ворох веток омелы.

— Ну а теперь, — сказал он, когда Миранда вновь засмеялась, — победителю полагается вознаграждение.

Он поднял руку с омелой над ее головой, а второй поймал девушку за талию и страстно поцеловал.

— Тони! — возмущенно вскрикнула девушка. — Маму хватит удар.

— Но у нас есть миссис Чэмберс в качестве компаньонки, — отозвался он.

— Лиззи моложе меня, — ответила Миранда.

Он повернулся и посмотрел на Элизабет с некоторым изумлением. Она чувствовала себя настолько смущенной, что обязательно бы покраснела, если бы ее щеки уже не были ярко красными от холода. Она прежде никогда не видела, как целуются двое взрослых. Мистер Чэмберс только достиг земли и с сожалением смотрел на глубокую царапину на внутренней стороне одного из сапог.

Элизабет надеялась, что он не видел поцелуй.

— В таком случае, — усмехнулся Энтони, — это ты должна быть компаньонкой миссис Чэмберс, Миранда.

— Это же нелепо! — ответила она, смеясь. — Лиззи замужем за мистером Чэмберсом. Он может целовать ее, когда пожелает.

Элизабет не знала, куда девать глаза. Она не отошла от дерева, когда джентльмены начали спускаться, так что в итоге оказалась почти нос к носу с мистером Чэмберсом, который вопросительно изучал ее лицо. В руках у него была омела. Он гадал, умышленно ли она осталась на месте? Неужели он подумал?.. Она в изумлении уставилась на него, затаив дыхание.

— Человек действительно должен быть вознагражден, — пробормотал он, — за то, что рисковал жизнью и своими сапогами.

Он намеревался поцеловать ее?

Она делила с ним брачное ложе в течение четырнадцати ночей подряд. Она приняла в

себя его семья и родила ему ребенка. И все же она чувствовала себя так, как будто они никогда не были близки.

Конечно, он никогда не целовал ее.

— О, какая глупость! — попыталась беззаботно выговорить она и резко отвернулась. — Омела потеряет все свое волшебство, прежде чем мы доберемся до дома.

— Ну что ж, в этом что-то есть, — сказал он позади нее, и его тон был под стать ее. — Но я оставляю за собой право быть первым, кто проверит это после того, как венок из омелы будет сделан и закреплен, с леди по моему выбору.

Миранда и Энтони рассмеялись. Элизабет заставила себя повернуться к мужу и тоже засмеяться. Он действительно хотел поцеловать ее? Он смотрел на нее сужившимися глазами, но в них ничего нельзя было прочесть.

Неужели она все испортила?

Однако он пошел рядом с ней, и они направились к выходу из чащи леса. Вскоре они услышали голоса и увидели другие группы, которые были заняты каждая своим делом. Действительно, когда они достигли отправной точки, то нашли внушительную гору веток, готовую к отправке домой.

— И как мы собираемся все это доставить домой? — спросил кузен Алекс, снимая кастановую шляпу, чтобы почесать голову сквозь непослушные каштановые пряди.

— Отнесем в руках? — предложил Перегрин.

Но мистер Чэмберс, как они могли бы ожидать, организовал все заранее. Он объяснил, что садовники должны приехать на телегах, запряженных лошадьми. И действительно, те показались в поле зрения, поднимая облака снега, еще до того, как он закончил объяснять.

Таким образом все они возвращались домой с пустыми руками, вынужденные пробираться сквозь снег, который был еще более глубоким, чем когда они отправлялись в путь. Элизабет не знала, чья была идея начать петь «Падуб и плющ», но вскоре они дружно пели, воодушевленно и не особо музыкально, а затем последовали и другие рождественские гимны. Она обнаружила, что у мистера Чэмберса, который шел около нее с четырехлетней Луизой на плечах, был красивый тенор.

Элизабет чувствовала себя неуклюжей и робкой рядом с ним. Почему она отказалась от поцелуя? Она хотела этого. Но он собирался поцеловать ее под омелой позже. Он сказал: «С леди по моему выбору». Конечно, именно это он подразумевал. Значило ли это, что он не сердился на нее?

Она не будет думать о том, что он, возможно, сердит. Она не будет думать об упущенной возможности. До конца дня было еще много неотложных дел. А сейчас она была замерзшей, растрепанной, усталой, ее грудь отяжелела от молока, но при этом Элизабет была настолько переполнена счастьем, что, казалось, оно причиняет ей больше боли, чем радости.

* * *

Дети были отправлены в детскую, как только вернулись домой. Там же они пообедали. Некоторые из младших, несмотря на громкие протесты, были уложены спать. Но Эдвин, который остался с ними, пока Элизабет кормила Джереми, всем пообещал, что они смогут спуститься позже и помочь.

— Детям никогда не разрешалось походить детскую во время наших семейных сборов, — сказала ему жена, когда они стали спускаться вниз.

Он не знал, упрекала ли она его за обещание, которое он дал, или же за то, что предложил взять Джереми вниз, раз уж он не уснул после кормления. Эдвин нес его на руках.

— Я был воспитан в убеждении, что дети являются неотъемлемой частью семьи, — сказал он. — Я порчу вам Рождество, Элизабет?

— Нет.

Она ответила быстро, однако он не был уверен, что она сказала правду. И все же он мог поклясться, что утром на улице она получила удовольствие, за исключением, быть может, нескольких минут в начале, когда казалось, что она может вернуться в дом в любой момент. Элизабет выглядела поразительно оживленной, прекрасной, участвуя в борьбе снежками и беспомощно смеясь. Он жаждал, чтобы это оживление и радость были сосредоточены на нем.

— А как обычно ваша семья празднует Рождество? — спросил он.

Она прошла половину лестничного пролета, прежде чем ответила.

— Всегда много еды, — сказала она. — И напитков. Игра в карты и бильярд. И сон.

— Вы получаете удовольствие от этого?

— Я всегда ненавидела Рождество, — сказала она тихо, но страстно.

Продолжить разговор не получилось. Они вошли в столовую, где уже собрались остальные. Возникло оживление, как Эдвард и ожидал, из-за появления Джереми.

Вполне предсказуемо леди Тэмплер, полностью игнорируя зятя, приказала Элизабет вызвать няню, чтобы та отнесла Джереми в детскую.

— Мистер Чэмберс желает, чтобы Джереми был с нами, пока не начнет капризничать или не утомится, мама, — объяснила его жена с привычным тихим достоинством.

— Этот ребенок вырастет испорченным, — едко заметила ее мать.

— Из-за того, что проведет время с отцом? — уточнила Элизабет. — Конечно, нет.

— Ну что ж, не говори потом, что я тебя не предупреждала, — отозвалась леди Тэмплер.

Эдвин только сейчас осознал, в какую неудобную ситуацию попала его жена, которая, наверняка всегда повиновалась матери и от которой после замужества ожидали такого же беспрекословного повиновения мужу. Теперь он поставил ее перед нелегким выбором. Пока казалось, что желания мужа она ставила превыше материнских.

Но чего хотела она сама, он не знал. Была ли у нее своя воля? Давали ли ей возможность поступать согласно собственным желаниям? Если бы у него была дочь, он воспитывал бы ее так, чтобы она думала и действовала самостоятельно, имела свое мнение и могла совмещать личные интересы с обязанностями. Если бы у него была дочь...

Внезапно Эдвин сильно пожалел, что не может вернуться в прошлое и устроить свою семейную жизнь после смерти отца в прошлом году по-другому. Ему было жаль, что он не приложил больше усилий для того, чтобы брак, который начался так неудачно, стал чем-то большим, чем брак по расчету.

Он сидел за столом, держа Джереми в изгибе руки, а другой продолжая есть свой обед. Это продолжалось недолго. Ребенок переходил из рук в руки весь обед, к радости большинства леди и тихому надменному неодобрению леди Тэмплер.

Когда пришло время украшать дом, леди Тэмплер и некоторые другие родственники постарше удалились в утреннюю гостиную. Дядя Элизабет Освальд отправился с сыном Перегрином и несколькими детьми в библиотеку, чтобы вырезать рождественскую сцену. Эдвин заглянул к ним и, посмеиваясь про себя, подумал, что лучше бы теща туда не заходила. Повсюду были стружка, инструменты и неопознанные деревянные объекты.

В гостиной кипела работа. Некоторые дамы завязывали пышные банты из атласных лент, купленных в деревне, и приделывали к ним небольшие медные колокольчики, приобретенные там же. Наиболее бесстрашные из молодых людей, рискуя превратить свои пальцы в подушечку для иглоков, делали венки и украшения в виде венков и веточек из падуба и затем повязывали на них банты. Многие занимались исключительно составлением венка из омелы, используя в плетении все имеющиеся в наличии материалы. Три девочки, достаточно взрослые, чтобы выйти из классной комнаты, но недостаточно, чтобы действительно считаться взрослыми, попеременно держали Джереми и еще одного малыша, которого тоже принесли вниз. Некоторые дети носились туда-сюда, пребывая в блаженном состоянии ничегонеделанья и мешаясь у всех под ногами. Несколько мужчин балансировали на стульях, подвешивая готовые украшения к настенным подсвечникам, картинам и дверным пролетам, в то время как их вторые половины качали головами из стороны в сторону и советовали поднять украшение то на полдюйма правее, то на полтора дюйма левее. В столовой наблюдалась такая же картина.

Два лакея и горничная, которые с головой погрузились в происходящее, украшали перила главной лестницы вьющимся плющом.

Элизабет двигалась от группы к группе, помогая, подсказывая, ободряя. В отсутствие матери она вела себя, как хозяйка дома, и, казалось, сияла от удовольствия.

Эдвин тоже поучаствовал в украшении находящихся высоко или мало доступных участков. Он заметил, что некоторые дети были расстроены тем, что не могут помочь. Поэтому он сажал их себе на плечи, чтобы они могли дотянуться и поправить сосновую ветвь на раме картины или же разложить падуб на верхней полке камина. Конечно, он мог сделать эту работу в два раза быстрее без их «помощи», но не было никаких причин для спешки. Ведь именно в этом заключалось Рождество.

Они почти закончили, когда лорд и леди Тэмплер с остальными гостями, которые ранее покинули этот хаос, вошли в гостиную и сообщили о том, что приказали подать чай. Но группа, которая делала венок из омелы, как раз объявила, что закончила.

— Давайте повесим его, прежде чем подадут чай, — сказала Элизабет. В этот момент она выглядела раскрасневшейся, оживленной и невероятно красивой. — Я полагаю, ему место в центре на потолке между этими двумя люстрами. Все согласны?

Ее слова вызвали одобрительный гул, немного аплодисментов и даже хихиканье. Семья выглядит куда более оживленной, чем вчера, подумал Эдвин.

— Если ты полагаешь, Лиззи, что я ... — начала леди Тэмплер.

— Остановитесь, Гертруда, — прервал ее лорд Тэмплер.

Эдвин улыбнулся жене.

— Надо уважить хозяйку дома, — сказал он. — Пусть будет центр потолка, и именно сейчас, перед чаем. Нам нужна лестница. Она ведь все еще стоит в гостиной? Джонатан,

будьте добры, принесите ее. Чарльз, помогите ему.

Пять минут спустя он стоял без сюртука, с закатанными рукавами рубашки на самой верхней ступеньке лестницы и пытался повесить щедро украшенный венок из омелы на указанное место, а в это время снизу доносился хор противоречивых советов. Элизабет стояла у основания лестницы, подняв голову вверх, Джереми, открыв ротик, спал у нее на плече.

— О, это идеальное место, — сказала она, прежде чем он начал осторожно спускаться.

— Итак, — произнес Эдвин, когда благополучно оказался внизу, — как вы знаете, венки из омелы не просто симпатичные украшения. У них есть определенная практическая функция. И, полагаю, есть негласный закон, что хозяин дома должен быть первым, кто его опробует.

Элизабет красноречиво посмотрела на него. Она покраснела и выглядела на девятнадцать лет, столько ей, в общем-то, и было, несмотря на то, что на руках у нее был ребенок. Ее губы приоткрылись. Она не отвернулась от него, как это было утром в лесу, и не пыталась избежать того, что должно было произойти.

Она закрыла глаза, когда его губы коснулись ее. Ее губы дрожали. Они были мягкими, податливыми, теплыми и влажными. Странно, но, женившись на снежной королеве и выполняя свои обязанности на брачном ложе, он никогда не находил в себе смелости поцеловать ее. Хотя отчаянно этого хотел.

Она и не была снежной королевой, в конце концов понял он — вероятно, он приходил к этому осознанию весь день. Возможно, она не любила его, возможно, злилась за то, что он приехал сюда, не предупредив заблаговременно, но она не была холодна.

Поцелуй был публичным и потому очень целомудренным и длился не более десяти секунд.

И он закончился.

Их первый поцелуй.

Он обнял одной рукой Элизабет за талию, так что ребенок оказался между ними, улыбнулся, глядя ей в глаза, в то время как некоторые члены ее семьи смеялись, свистели и хлопали в ладоши. Хотел бы он знать, только ли из-за Рождества ее щеки окрасились румянцем, глаза сияют, а у него тепло на сердце.

Но сейчас было не время искать ответ на этот вопрос.

— Должен сказать, — объявил он, с усмешкой озираясь вокруг, — что омела действительно очень хорошо работает. Приглашаю всех скептиков испробовать ее действие на себе.

Берти увлек смеющуюся Аннабель под омелу, а леди Тэмплер надменно потребовала, чтобы муж проводил ее к камину.

Эдвин попросил унести лестницу и завершить уборку в украшенных комнатах. В столовую внесли подносы с чаем, а тем временем кузены, помолвленные парочки и несколько супружеских пар постарше вели шутивную борьбу за право встать под омелу.

Элизабет незаметно поднялась наверх: ребенок проснулся от возрастающего шума, и дал понять, что он действительно очень хочет есть.

Эта семья, думал Эдвин, перестала сильно отличаться от любой другой знакомой ему семьи, стоило лишь положить конец подавляющему главенству леди Тэмплер и предложить взамен интересные занятия. Уайлдвуд приобрел праздничный вид, и в нем воцарилась атмосфера Рождества.

Ко времени ужина Элизабет чувствовала себя утомленной от непривычной активности и волнения, но она не хотела, чтобы этот день заканчивался. Это, безусловно, был самый счастливый день в ее жизни. Это также был день, в течение которого она по-настоящему влюбилась в своего мужа. О, она действительно была ослеплена им при первой встрече, но вскоре ее постигло страшное разочарование. Однако весь этот год она ошибалась на его счет. Он не был человеком без чувства юмора, характера или индивидуальности. Скорее наоборот. Он намного больше походил на своего отца, чем она предполагала.

Она гадала, понял ли он, насколько преобразил их обычное Рождество?

Она думала, понял ли он, какое сильное впечатление произвел на нее их первый поцелуй, хоть он и произошел на глазах у всех и длился недолго. Она переживала этот момент вновь и вновь, кормя Джереми, и ее щеки горели от удовольствия. Но она вспоминала не только поцелуй, такой удивительно интимный и поразительный. Она также помнила его улыбку, теплую, почти любящую, предназначенную только ей, в то время как его рука обвилась вокруг ее талии, а ребенок уютно устроился между ними.

Это были те воспоминания, которые будут согревать ее долгие одинокие годы. Но, как она обнаружила, когда приготовилась выйти с дамами в гостиную, чтобы оставить джентльменов за портвейном после ужина, счастливые новшества этого Рождества еще не закончились. Дядя Освальд откашлялся и громко заговорил, чтобы каждый за столом смог его услышать.

— Рождественская сцена готова, — объявил он, — и с помощью детей будет установлена в гостиной. Я поднимусь в детскую, чтобы договориться об этом. С твоего разрешения, Лиззи, они все спустятся.

— Определенно, уже не сегодня, Освальд, — сказала леди Тэмплер. — Слишком поздно, в это время они должны спать. Осмелюсь сказать, что даже в домах среднего класса детям не позволено в такое время находиться в гостиной.

— Да, конечно, — одновременно с матерью проговорила Элизабет, прижимая руки к груди. — Какой прекрасный сюрприз!

— Это ведь сочельник, — продолжал дядя Освальд, — нужно рассказать рождественскую историю. Эдвин уже согласился.

Так значит мистер Чэмберс поучаствовал и в этих тайных планах? Он улыбнулся Элизабет с другого конца стола, и она почувствовала, как ее сердце перевернулось. Возможно, она понравилась ему сегодня немного больше, чем раньше? Однако он обратился к ней:

— Для такого важного семейного празднования не принесете ли вы Джереми, Элизабет?

— Да, — поспешно сказала она, прежде чем мать набрала воздуха, чтобы ответить за нее. — В будущем наши дети должны быть с нами во время семейных сборов в Уайлдвуде. Особенно в Рождество. Ведь Рождество для детей — и посвящено ребенку.

— Ох, я так согласна с тобой, Лиззи, — пылко сказала Аннабель. — Ты согласен, Берти?

— Ты ведь знаешь, Белла, что согласен, — ответил он, хотя и бросил украдкой застенчивый взгляд на мать.

Спустя полчаса все взрослые и дети, за исключением тех, кто участвовал в постановке рождественской сценки, разместились в гостиной одной большой семейной группой, разделяя друг с другом ожидание приближающегося праздника.

Наконец дверь открылась, и вошел мистер Чэмберс. Он встал в стороне, открыл большую библию в кожаном переплете, которую принес с собой, и в гостиной установилась тишина.

— «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле», — зазвучал его сильный, отчетливый голос.

И пока он читал Евангелие от Луки о прибытии Марии и Иосифа в Вифлеем, два ребенка вошли в дверь: мальчик нес свернутый кусок дерюги, который он расстелил на пол под центральным окном, а девочка поставила на нее наспех выструганные ясли, наполненные соломой.

— «...И родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

Вошли еще три ребенка: один нес Иосифа, другой Марию, а третий — младенца Иисуса, завернутого в плотную ткань. Его бережно уложили на солому, а его родителей усадили по обе стороны от яслей.

Затем настала очередь пастухов, вырезанных из единого куска дерева.

— «...Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим».

Вошли двое детей, один нес бумажного ангела, другой бумажную звезду, которые они прицепили на занавеску над хлебом.

— «...А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем». — Мистер Чэмберс закрыл библию, когда в комнату тихо вошел дядя Освальд.

Никто не аплодировал. И это, наверно, был самый лучший комплимент умению дяди Освальда, чьи фигурки были большими и грубо вырезанными, но заставили всех ощутить вечное чудо Рождества.

Повисла тишина. Элизабет, обнимающая Джереми, боролась с подступившими слезами, но все равно не могла сдержать одной слезинки, скатившейся по щеке.

— Спасибо, — сказала она, затем сглотнула и продолжила более твердо: — О, я так вам благодарна, дядя Освальд, дети и ми... и Эдвин. Это прекрасное завершение воистину замечательного дня.

Зазвучал хор голосов: взрослые хвалили исполнителей и резчика, дети наперебой громко объясняли любому, кто готов был слушать, как им сказали идти медленно, а они почти забыли об этом, и только в последний момент вспомнили, и затем не могли вспомнить, с левой или с правой стороны яслей должна стоять Мария и куда надо было поместить ангела, выше или ниже звезды. Кто-то захотел узнать, почему не было волхвов, и дядя Освальд объяснил, что они появились только в Евангелии от Матфея, и, кроме того, у него все равно не было времени вырезать их.

Тетя Мэри поднялась и села за фортепиано.

Ей не пришлось призывать всех к тишине. Потому что как только она заиграла первые аккорды гимна «Тише, тише, мой малыш» [\[1\]](#), все притихли, а потом запели. И все чувствовали чудо, тепло и исцеляющую силу любви, исходящую от ребенка, скрытого в пеленках, и от самого праздника Рождества. О, конечно, они все чувствовали это, думала Элизабет. Она не могла быть единственной, кто это ощущал.

Когда тетя Мэри начала играть следующий рождественский гимн, Элизабет осознала, что мистер Чэмберс стоит возле ее стула. Его рука лежала у нее на плече, когда он пел с остальными, и затем, когда Джереми забеспокоился, он наклонился и взял у нее ребенка, как будто это была самая естественная вещь в мире.

Элизабет проглотила комок в горле. Как она сможет вернуться к старой жизни, когда закончится Рождество и все, кроме ее родителей, разъедутся? Но она не хотела об этом думать. Не сегодня вечером.

Они пели в течение получаса, затем принесли чай.

— Мне сказали, что утром в девять часов в деревенской церкви будет служба, — сказал Эдвин, когда дети, зевающие и протестующие, были отосланы наверх в кровати.

Все посмотрели на него так, как будто у него выросла вторая голова. Они определенно не были семейством, которое посещает церковь. Но у нескольких человек нашлось, что сказать.

— Слишком рано, — произнес Майкл.

— Экипажи не смогут добраться по всему этому снегу.

— Мы могли бы пойти пешком, глупая. Здесь меньше двух миль.

— Пойти в церковь? На Рождество?

— Перегрин, не смей называть свою сестру глупой.

— Именно это я и имел в виду, моя дорогая.

— Я пойду, — сказала Элизабет, улыбаясь мистеру Чэмберсу и вспоминая, как приятно было несколько минут назад назвать его по имени.

Хор комментариев продолжался.

— В конце концов, это соответствовало бы всему, что мы сегодня делали.

— И мы могли бы вновь поиграть в снежки на обратном пути домой.

— Все-таки служба не сравнится с тем, что было сегодня вечером. Не правда ли?

— Сможем нагулять аппетит для гуся и сливового пудинга.

— Лиззи, у здешнего священника длинные проповеди?

— У тебя всегда отличный аппетит вне зависимости от того, пойдешь ты или нет.

— О да, пойдете в церковь, — сказала Аннабель. — Пойдем туда через снег. Вместе, как семья. Какое это восхитительное Рождество. Самое лучшее. И все благодаря Лиззи и Эдвину. Вы должны приглашать нас каждый год.

Раздался взрыв сердечного смеха, и даже небольшие аплодисменты.

— Считайте, что вы получили наше приглашение, — сказал мистер Чэмберс, озорно блеснув глазами. — А после того как мы завтра отпразднуем и поедим, спустимся к озеру и покатаемся. К сожалению, у нас нет коньков, но к следующему году, обещаю, они будут. А пока устроим соревнование: кто сможет дальше проехать и не упасть.

Они выпили чай и наконец разошлись по комнатам, тепло и радостно желая друг другу доброй ночи. Мистер Чэмберс беседовал с родственниками, когда Элизабет поднялась в детскую, чтобы покормить Джереми. Ее мать нагнала ее на лестнице.

— Надеюсь, Лиззи, — сказала она, — что завтра ты приложишь больше усилий, чтобы взять под контроль свой собственный дом. Я не могу сказать, насколько я была потрясена — да и вся семья тоже, — когда детям так опрометчиво позволили находиться вместе со взрослыми, когда их няням платят как раз за то, чтобы они следили за ними в детской. И вульгарностью всех этих художественных украшений, включая позорные дилетантские попытки Освальда вырезать рождественскую сцену. И омелой. Никогда не думала, что

доживу до того дня, когда увижу такое в доме, в котором находятся члены моей семьи. Конечно, это последствия того, что ты так неудачно была вынуждена выйти замуж за торговца. Завтра ты должна обратиться ко мне за помощью. Я не позволю этому деспоту взять надо мной верх.

Элизабет остановилась около дверей в детскую. Она надеялась избежать сегодня встречи с матерью. Мама весь день выглядела угрюмой и оскорбленной. Элизабет еще не знала, когда набрала в грудь воздуха, чтобы ответить, хватит ли у нее смелости сказать матери то, что она в действительность жаждала ей сказать уже месяц, а то и два.

Она никогда не была в состоянии противостоят матери.

— Мама, — сказала она. — Не собираетесь ли вы с папой вернуться домой после Рождества? Вы были настолько любезны, что остались со мной здесь намного дольше, чем первоначально планировали, но вы, должно быть, соскучились по дому?

— Оставить тебя? — переспросила леди Тэмплер. — Когда ты понятия не имеешь, как быть хозяйкой собственного дома или как быть хорошей матерью своему сыну? Я даже не думаю о том, чтобы поступить так эгоистично. Ты не должна бояться, что я покину тебя, когда ты так во мне нуждаешься.

— Но, мама, — возразила Элизабет, ее сердце громко билось в груди, горле, ушах. — Я в тебе не нуждаюсь. Я многому должна научиться, прежде чем смогу управлять хозяйством так же хорошо, как ты, но дела в Уайлдвуд-холле шли прекрасно до того, как вы приехали сюда, и будут идти прекрасно, после того как вы уедете. Вы очень хорошо обучили меня, когда я была девочкой. По правде сказать, я с нетерпением жду возможности самостоятельно управлять поместьем. Я очень благодарна вам за вашу помощь, оказанную тогда, когда я нуждалась в ней, но она мне больше не требуется. И я считаю, что я хорошая мать.

— Лиззи! — Грудь леди Тэмплер тяжело вздымалась, а лицо покрылось красными пятнами. — Никогда не думала, что услышу такие неблагодарные слова именно от тебя. Полагаю, это влияние этого ужасного человека. Ты всегда была впечатлительной девочкой.

— Я благодарна тебе, — повторила Элизабет. — Но я не могу ожидать, что вы с папой пожертвуете своим комфортом ради меня, мама. Это было бы эгоистично с моей стороны. И против моего желания, — добавила она, пока ее решимость не ослабла.

— Ты позволишь ему сделать тебя столь же вульгарной, — презрительно сказала ее мать.

— Я действительно надеюсь на это, мама, — спокойно произнесла Элизабет. — Жена должна позволять себе быть под влиянием мужа, особенно если его выбрали ее родители. Так же как, я надеюсь, мистер Чэмберс позволит мне влиять на него.

Она не знала, был ли какой-либо шанс на то, что ее брак станет настоящим. Но сегодня она поняла, что предпочитает быть брошенной, полупокинутой женой, чем жить под гнетом матери, как было всю ее жизнь, за исключением нескольких месяцев между прошлым Рождеством и родами.

Ее мать, не сказав больше ни слова, развернулась, всем своим видом и прямой спиной демонстрируя праведное негодование. Элизабет боролась с нахлынувшим чувством вины. Она была вежлива. Она была благодарна.

Но сейчас она сказала то, что хотела и должна была сказать уже очень давно.

Она хотела снова вернуть себе дом, себе, Джереми и мистеру Чэмберсу, когда он захочет их навестить.

В этом году отъезд Эдвина после Рождества обещал быть более болезненным, чем в прошлом, думала она, тихо входя в детскую. В прошлом году она была расстроена, но тогда она утратила свои иллюзии. Какая-то часть ее испытала облегчение, когда она осталась одна. В этом году она увидела мужа с другой стороны: добродушного, очаровательного, любящего. В этом году он поцеловал ее под омелой и улыбался ей. Дом опустеет с его отъездом.

Ее жизнь опустеет.

Но она была тверда с матерью. Она вела себя, как хозяйка Уайлдвуда. Это был явный успех. Она гордилась собой.

Джереми уже ждал ее с шумным нетерпением, она услышала его даже прежде, чем вошла в комнату. Элизабет улыбнулась. Более трех месяцев он был ее миром, ее жизнью. И он останется ее миром и после того, как Рождество закончится. Как она могла даже подумать о пустоте, когда у нее есть ребенок, который нуждается в заботе и любви?

Ребенок Эдвина Чэмберса и ее.

* * *

Элизабет сидела у окна в комнате Джереми при тусклом свете мерцающей свечи и кормила сына грудью. Когда Эдвин тихо открыл дверь и ступил в комнату, она подняла глаза и торопливо натянула одеяльце Джереми, пытаясь прикрыться.

— Прошу прощения. — Он приблизился на несколько шагов. — Я не хотел смущать вас.

Однако он не собирался уходить, если только она прямо не попросит его об этом. Они с женой слишком долго ходили вокруг да около. Он хотел быть частью жизни их сына. Да, и ее жизни тоже.

Она пристально смотрела на него в течение нескольких мгновений, затем опустила глаза и расслабленно откинулась на спинку стула. Свободной рукой она провела по мягким золотистым волосам ребенка, видневшимся из-под одеяльца.

Эдвин сцепил руки за спиной и наблюдал.

Они не разговаривали. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было причмокивание их голодного ребенка.

Если бы только можно было увековечить этот момент, сохранить его навсегда, думал Эдвин. Он чувствовал себя глупо, потому что на глаза навернулись слезы. Однако он задавался вопросом, какая Элизабет покинет с ним детскую, когда закончит кормить ребенка. Холодная, полная собственного достоинства аристократка, которую он знал до сегодняшнего дня? Или же спокойная, уверенная в себе, тепло улыбающаяся женщина, какой она была большую часть сегодняшнего дня?

Были ли изменения в ней вызваны только Рождеством? Станет ли она самой собой, когда оно закончится? Возможно, уже завтра? Но которая же из этих женщин была настоящей Элизабет? Он ведь по-настоящему не знал ее. Он видел ее дважды перед свадьбой, потом был с ней в течение двух недель после бракосочетания и провел здесь несколько дней после рождения Джереми, всегда в присутствии ее матери. По сути они были незнакомцами.

Он никогда не был особенно застенчив с женщинами. У него было не так много партнерш в постели, но было много друзей среди особ противоположного пола, и он с

нетерпением ждал, что в его браке будут как дружеское общение и привязанность, так и физическое влечение. У него все еще были друзья женщины. Но Элизабет была другой. Нельзя было сказать, что он был робок с ней, но он определенно испытывал перед ней своего рода благоговение, хотя на ее мать это не распространялось.

Элизабет казалась ему безупречной леди, кем-то, кто необъяснимо был выше него. Это чувство раздражало его. Он никогда не испытывал благоговейного страха перед социальным положением.

Чмокающие звуки постепенно утихали и наконец пропали совсем. Эдвин подошел и забрал у жены ребенка, пока она поправляла лиф платья. Он повернулся и осторожно уложил сына в кроватку, после чего поцеловал в мягкую, теплую щечку, вдыхая неповторимый детский запах.

Он подумал, что сейчас сочельник. И он не хотел, чтобы этот день заканчивался.

Эдвин придержал для Элизабет сначала дверь из комнаты Джереми в детскую, затем — из детской в коридор и, пропуская жену вперед, закрывал их, едва они выходили.

Она повернулась, чтобы пожелать ему доброй ночи. Он прочитал ее намерение по тому, как она набирала воздух.

— Элизабет, — сказал он быстро, прежде чем вновь почувствует себя слишком неловким, — я могу прийти к вам сегодня вечером?

Едва он спросил, он знал, что она не откажет. Она всегда была послушной женой — этого у нее было не отнять. Но он отчаянно хотел видеть в ее глазах отражение чего-то большего, чем просто обязанность.

— Да, конечно, — сказала она с привычным тихим достоинством.

Он предложил ей руку, и она взяла его под локоть, едва касаясь ладонью рукава. Они не произнесли ни слова, пока он вел ее к комнате, открыл дверь и поклонился. Она ступила в комнату, и он закрыл дверь с внешней стороны.

Что случилось с теплой счастливой женщиной, которую он видел несколько раз в ходе этого дня, задавался он вопросом. Казалось, она исчезла. Будет ли это для нее суровым испытанием? И почему он хотел прийти к ней сегодня, если те две недели после свадьбы вообще не принесли ему никакого удовольствия?

Но он смертельно устал от вопросов и догадок. Он хотел ее. В его силах, думал он, было сделать так, чтобы опыт в постели, по крайней мере, не был для нее отталкивающим. Но, черт побери, именно с таким отношением он приходил к ней в течение тех двух ужасных недель. Значит, он должен был проследить, чтобы их соединение стало для нее приятным опытом.

Он повернулся в направлении своей комнаты, которая находилась рядом с комнатой жены.

Элизабет стояла у окна. Снег идти перестал, но небо, должно быть, все еще было облачным, поскольку не было видно звезд. Однако снег сделал пейзаж неестественно ярким. Наступил сочельник, приближалось Рождество.

Она поежилась, хотя совершенно не замерзла. В камине горел огонь, и на ней была закрытая ночная рубашка с длинными рукавами и кружевной отделкой, которую она одевала в брачную ночь в прошлом году. На самом деле ей было чересчур жарко.

С каким предвкушением она ждала его той ночью чуть больше года назад. Она искренне верила, что дальше они будут жить «долго и счастливо». И какое ее постигло разочарование!

А в этом году? Неужели она чего-то ждала? Она знала, что происходящее будет не то чтобы неприятным, скорее... неудовлетворительным. Но так или иначе она жаждала этой интимности, этой иллюзии близости.

Чего она ожидала от будущего? И было ли у них будущее? Лучше не думать об этом. В конце концов, есть только вечный момент настоящего, так часто бессмысленно растрачиваемый, поскольку человеческая природа склонна тосковать о несуществующем будущем. Разве имело значение, что послезавтра он может оставить ее и не возвращаться в течение многих месяцев или даже целого года? Сегодня вечером он был здесь и хотел придти в ее постель.

Как раз когда она думала об этом, в дверь спальни тихо постучали, и она открылась, прежде чем Элизабет успела подойти к двери или разрешить ему войти.

На Эдвине был длинный зеленый парчовый халат и тапочки. Его светлые волосы блестели. Он был свежевыбрит.

Это во всем походило на их первую брачную ночь. Элизабет могла слышать, как глухо бьется ее сердце. Она сцепила руки перед собой и сосредоточилась на том, чтобы расслабиться — или хотя бы не показать, насколько взволнована.

— Вы сказали, что всегда ненавидели Рождество, — произнес он, подходя ближе. — Это Рождество вам тоже не по душе?

— Нет, конечно, нет, — ответила она.

Он остановился в шаге от нее.

— Вы не смогли сказать «да», потому что об этом спросил вас именно я? — поинтересовался он, склонив голову набок и внимательно следя за ней.

Она слегка нахмурилась, прежде чем ее лицо вновь потеряло всякое выражение. Что он имел в виду? Она не знала, как ответить.

— Я наслаждаюсь им больше, чем ожидал, когда приехал, — признался он.

— Я рада, — отозвалась Элизабет.

— Действительно рады? — Он протянул руку и пропустил прядь ее волос между пальцами. Элизабет приказала горничной оставить их распущенными.

Это была одна из их обычных бесед ни о чем и ведущих в никуда. Она всегда чувствовала себя с ним более неуклюжей, чем с любым другим знакомым ей человеком.

Он наклонил голову и поцеловал ее.

Она была застигнута врасплох. Это отличалось от их брачной ночи.

И он не отстранился сразу, а вместо этого раскрыл свои губы и крепче прижался к ее губам. Она почувствовала жар его рта, влажность и вкус вина. Одновременно он положил руки ей на талию и притянул ближе к себе. Ее руки легли на его широкие, мускулистые плечи. Впервые Элизабет заметила, какой он подтянутый. Он показался ей ужасно мужественным.

Она действительно никогда к нему прежде не прикасалась, поняла она. Ни руками — во время их соитий в прошлом году она всегда прижимала их к кровати, ни телом, хотя она всегда чувствовала его вес во время проникновения.

Она ощутила, как его язык попытался раздвинуть ее сжатые губы, и отдернула голову — и тотчас пожалела об этом. Все еще держа в объятиях, он смотрел ей в глаза, но их выражение нельзя было прочитать.

— Значит, это только обязанность для тебя, Элизабет? — спросил он. — Всего лишь долг, который ты исполняла весь сегодняшний день?

Что он ожидал от нее в ответ? Что хотел услышать? В этом смысле в прошлом году было легче. Он едва ли сказал хотя бы пару слов в спальне, впрочем, как и за ее пределами.

— Я пыталась исполнять свой долг, — ответила она. — Вам это не понравилось? Я сожалею о... о том, что произошло сейчас. Я не... не ожидала этого. Я сожалею.

Он отступил на полшага, хотя его руки по-прежнему покоились на ее талии.

— Если это просто долг и ничто иное, Элизабет, — произнес он, — скажи сейчас и отошли меня.

Это была не просто обязанность. Она, конечно, даже не помышляла о том, чтобы отказать ему, но это не был не просто супружеский долг. Она хотела, чтобы он пришел.

Она снова хотела его в своей постели, несмотря на то, что теперь по опыту знала, что их соитие не оправдывает ее мечтаний. Это не имело значения. Она вновь хотела почувствовать его внутри себя. Она хотела чувствовать себя его женой.

Элизабет слишком долго тянула с ответом. Он резко опустил руки, отвернулся и направился к двери.

— Мистер Чэмберс, — окликнула она.

— Ради Бога, Элизабет. — Он остановился и повернулся к ней с искаженным гневом лицом. — Зови меня Эдвином или вообще никак не зови.

— Я сожалею. — Она пыталась не показать, как ей больно. Он сердился на нее. Он резко говорил с ней. Он в сердцах всуе упомянул в ее присутствии имя Господне.

— Не надо. — Он поднял руку и провел пальцами по волосам. — Нет никакой надобности постоянно извиняться. Ты ничего мне не должна. Ты вышла за меня, повинаясь желанию родителей, ты делила со мной постель две недели после нашей свадьбы и подарила мне, как и полагается, сына. Теперь твоя жизнь принадлежит тебе. Ты не моя рабыня. Я никогда не верил в рабство, тем более в брачную его разновидность.

— Я должна вам повиноваться, — сказала она.

— Ты не должна мне *ничего*. — На мгновения его глаза вспыхнули. Он тряхнул головой, и его гнев исчез. — Я бы предпочел услышать, что ты посылаешь меня к дьяволу, а не то, что ты должна мне повиноваться. Впрочем, неважно. Уже поздно, и мы оба очень устали. Доброй ночи, Элизабет.

Вся радость прошедшего дня ушла, оставляя за собой лишь душевную боль. Его рука была уже на ручке двери. Еще мгновение и он уйдет — и они навсегда останутся чужаками. Она этого не вынесет.

— Мистер Чэмберс, — сказала она, зажав рот рукой, когда он остановился, но не повернулся к ней. — Эдвин, пожалуйста, не уходите.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

— Пожалуйста, не уходи, — прошептала она.

Он не двигался, поэтому это сделала Элизабет. Не глядя на мужа, она пересекла комнату, подошла к кровати, сняла тапочки и легла на спину. Он еще несколько мгновений стоял у двери, а затем подошел к камину и задул свечи. Но света от огня в камине и окна было достаточно, чтобы осветить ему путь до кровати.

И достаточно, чтобы, когда он разделся, Элизабет могла увидеть, что под халатом он был совершенно обнажен. Она была потрясена, но взгляд не отвела. Она никогда не считала мужчин красивыми, привлекательными — да, но не красивыми. Эдвин же был именно красивым: мускулистым, идеально сложенным, мужественным.

Он лег рядом и повернулся к ней. Приподнявшись на локте, он наклонился и вновь

поцеловал ее, его рука легла на ее щеку, а пальцы запутались в ее волосах. На сей раз, когда он коснулся ее губ языком, она не вздрогнула, хотя и чувствовала влажное и незнакомое ощущение во рту, в груди, внизу между бедрами. Она разомкнула губы, и его язык глубоко проник в ее рот.

Какое-то время она даже не замечала, что его рука спустилась ниже и ласкала ее грудь, тем не менее, заметила, когда он потянул за ленты, стягивающие ворот ее ночной рубашки, и развязал одну за другой. Рука Эдвина скользнула по ее обнаженной плоти и накрыла грудь. Он слегка провел по соску большим пальцем.

Она подумала, что непременно умрет от удовольствия. Она слышала, как издала глубокий гортанный звук.

— Коснись меня, — прошептал он ей в губы.

Элизабет осторожно положила руку на его грудь — она была твердой и покрыта волосками. Другой она рукой обвила его талию. Она всегда хотела коснуться его, поняла она, но никогда не делала этого. Она всегда играла пассивную роль послушной жены. Возможно ли, чтобы женщина притязала на мужчину? Правильно ли это? Прилично ли?

Сегодня вечером он не намеревался просто приподнять ее ночную рубашку, лечь на нее и войти в нее. Это было уже ясно, и она была чрезвычайно благодарна ему за это. Раньше это всегда происходило так быстро, что она не успевала получить хоть какое-то тайное удовольствие от процесса.

Тем не менее она была готова не ко всему, что он делал с ней, прежде чем неизбежный момент наступил. Он трогал ее всюду руками, ртом, даже зубами, сначала через ночную рубашку, а потом под ней. Наконец он помог ей снять ночную рубашку через голову, и они оба остались обнаженными.

Она должна была бы смутиться, учитывая, что в комнате было достаточно света и покрывало было отброшено. Но ее тело пульсировало от удовольствия, и его руки, губы, глаза заставляли ее чувствовать себя красивой. Она с трудом сдерживала ощущения, которые пульсировали в ее крови и доходили до каждого нервного окончания в ее теле.

Она чувствовала пульсацию между бедрами и внизу живота и жаждала прикосновений мужа, одновременно не желая, чтобы это произошло, зная, что все закончится в течение нескольких мгновений после того, как он проникнет в нее.

Она дотронулась до него выше талии, не сказав ни слова.

Когда его рука заскользила между ее ног, исследуя и лаская мягкие тайные складки ее тела, она знала, что была там влажной и горячей — его пальцы казались прохладными. Один палец скользнул в нее. Элизабет закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на дыхании.

Когда он передвинулся и лег на нее всем весом, раздвигая ее ноги и устраиваясь между ними, все вновь стало знакомым. Он подложил руки под ее ягодицы, и она, раскинув руки, прижала ладони к кровати и сделала медленный, глубокий вдох.

Он медленно вошел в нее, скользнув в ее влажность, растягивая и заполняя ее. Он был чудесно твердым, и она едва сдерживала желание сжать внутренние мышцы и прикладывала все усилия, чтобы оставаться неподвижной.

Это длилось намного дольше, чем она помнила. В течение длительного времени он двигался в неспешном и равномерном ритме, заполняя ее собой и при этом рождая у нее внутри какое-то щемящее чувство, столь сильное, что Элизабет задавалась вопросом, а есть ли различие между болью и удовольствием. К тому времени как он ускорил и углубил свои выпады, она изо всех сил вцепилась пальцами в матрас и закусила верхнюю губу, чтобы

сдерживать себя, — хотя что именно она сдерживала и чему мешала случиться, она не знала.

Он удовлетворенно выдохнул ей в ухо, и она почувствовала, как ее изнутри наполняет жар. Она вновь приняла его семя. Несмотря на небольшую непонятную неудовлетворенность, когда он расслабленно навалился на нее всем весом, оставаясь в ней, Элизабет улыбнулась, ощущая счастье, способное заменить даже дискомфорт от неудовлетворенного до конца желания.

Они не были чужаками.

Возможно, будет еще один ребенок.

И, когда он будет навещать время от времени Уайлдвуд, чтобы проведать Джереми, они, вероятно, будут каждую ночь на несколько минут делить кровать, и она вновь сможет получить это удовольствие.

Она попыталась скрыть разочарование, когда он скатился с нее и отодвинулся. Сейчас он вернется в свою комнату, и она почувствует привычную пустоту одиночества. Но теперь у нее были приятные воспоминания, которые будут согревать ее, пока она не заснет. И, может быть, он придет к ней завтра ночью.

Некоторое время Эдвин лежал рядом, лицом к ней. Он положил руку на ее живот и водил по нему легкими круговыми движениями, а затем громко вздохнул.

— На какое-то время, — сказал он, — я подумал, что, возможно, это было больше, чем обязанность.

Она резко повернула голову и посмотрела на него. Он наполовину улыбался.

— Это не было просто обязанностью, — возразила она.

— Просто ты не любишь меня, не так ли? — сказал он. — Или не любишь секс? Или и то, и другое?

Вся ее радость снова исчезла, и Элизабет почувствовала, как глаза наполняются слезами.

— Я сожалею, что не удовлетворила вас, — сказала она. — Я приложила все усилия. Я сожалею.

— Проклятье, — сказал он так тихо, что она не была уверена, что он произнес такое отвратительное слово.

Он резко отвернулся от нее и сел на край кровати, оперевшись локтями на колени и запустив пальцы в волосы. Элизабет почувствовала, как две слезинки скатились по ее щекам, одна сползла к носу, вторая капнула на подушку.

— Я сожалею, — повторила она. — Что я сделала не так? Скажите мне, и в следующий раз я сделаю лучше.

— Что она с тобой сделала? — спросил он. — Это все ее поучения, не так ли?

— Чьи? — изумленно спросила она.

— Твоей матери, — ответил он. — Ты ведь по натуре не холодная, не так ли? Я считал тебя такой до сегодняшнего дня, но я видел, как ты улыбалась, краснела и веселилась. Ты по-матерински тепло относишься к Джереми. Ты так меня ненавидишь? Или же ты просто продукт жестких убеждений твоей матери относительно того, какой должна быть леди?

Но она услышала только одну вещь и в ужасе уставилась на него.

— Я не холодная, — запротестовала она. — Не холодная. Я чувствую так же глубоко, как все остальные. Как вы могли сказать такую ужасную вещь? Я сожалею, что не удовлетворила вас, но я не холодная.

Она отвернулась от него, закрыла лицо ладонями и безуспешно попыталась приглушить

рыдания, которые не могла сдержать.

— Элизабет...

— Уйдите, — закричала она. — Уйди. Ты ужасен и я ненавижу тебя. Я не х-холодная, мне жаль, что ты не... я хочу, чтобы ты катился к дьяволу. — Она никогда раньше не говорила таких вещей вслух, даже не думала так до сих пор.

В течение некоторых минут она не знала, что он делал. Она ожидала услышать звуки открывающейся и закрывающейся двери. Но затем кровать рядом с ней прогнулась. Он обошел вокруг и сел на ее половине. На нем был халат. Он коснулся рукой ее влажной щеки и нежно погладил ее.

— Прости меня, — сказал он. — Пожалуйста, прости меня.

Она уткнулась лицом в матрац, отбросив его руку.

— Нет, — сказала она. — Как ты мог сказать такую вещь... после того, что случилось. Я думала, что это было чудесно. Очевидно, я ничего не понимаю. Это вообще не было замечательно, не так ли? Тогда уйди. Уходи и никогда не возвращайся. Мы с Джереми жили без тебя эти три месяца. И проживем так же всю оставшуюся жизнь.

— Элизабет, — сказал он, и она почувствовала удовлетворение, услышав в его голосе отчаяние. — Милая моя, я не хотел причинять тебе боль. Прокляни меня, дурака, за то, что я сказал такое. Я так не думаю. Мы все неправильно сделали с самого начала, не правда ли? Мы позволили нашим родителям устроить этот брак. В этом нет ничего такого, многие браки так заключаются. Но мы не попытались сделать этот брак нашим собственным, позволив нашей неловкости и, вероятно, даже некоторой неприязни помешать нам толком пообщаться. А потом умер мой отец, и все стало еще хуже. Это все моя ошибка. Я должен был упорно работать над этим, должен был быть более терпеливым и нежным с тобой и постараться с тобой поговорить.

И снова она слышала только одну вещь, ее лицо все еще было спрятано в подушку. «Милая моя». Он назвал ее своей милой. Никто и никак за всю жизнь не называл ее ласково, за исключением укороченной формы ее имени — Лиззи.

— Неужели мы опоздали? — спросил он ее. — Есть ли какой-нибудь шанс, что вместе мы сможем сделать из этого брака что-то стоящее?

Она пожала плечами, но ничего не ответила, все еще не доверяя своему голосу.

— Что ты думала обо мне этот год? — спросил он ее. — Я думал, что ты красивая, недостижимая, аристократичная снежная королева. Вряд ли ты думала обо мне лучше.

— Мрачный, — сказала она в подушку. — Строгий, без чувства юмора. Невероятно красивый.

— Я все такой же в твоих глазах? — спросил он после короткой паузы.

— Ты все еще невиданно красив, — отозвалась она.

— Я был уверен, — сказал он, — что ты презираешь меня из-за моего социального происхождения.

Она оторвала лицо от подушки, хотя все еще не смотрела на него.

— Я была уверена, — произнесла она, — что ты презираешь меня за то, что я вышла замуж из-за денег.

— Боже мой, — сказал он после очередной паузы. — Разве можно представить, что двое довольно разумных взрослых людей, состоящих в браке, не смогли за целый год найти времени, чтобы поговорить?

— Да, — сказала она.

Он некоторое время сидел и смотрел на нее. Она лежала не двигаясь, и все еще не смотрела на него. Казалось, уже многое было сказано. Но что в действительности изменилось?

Он поднялся и повернулся, чтобы шлепнуть ее по попке.

— Вставай, — потребовал он, его голос был оживленным и веселым. — И одевайся.

— Подай мне тогда мою ночную рубашку, — сказала она. Ранее он бросил ее на пол с другой стороны от кровати.

— Я имею в виду, — с нажимом сказал он, — надень свою самую теплую одежду.

— Зачем?

— Мы идем на улицу.

— На улицу? — Она уставилась на него широко раскрытыми глазами. — Зачем?

— Кто знает? — Он посмотрел вниз на нее и улыбнулся — она могла поклясться, что ее желудок сделал сальто-мортале. — Нам надо поговорить. Возможно, слепим снеговика. Или сделаем снежных ангелов. Это соответствовало бы ситуации, не так ли?

— Но все двери уже заперты, — сказала она по-дурацки. — Ведь уже почти полночь.

Он ничего не ответил. Просто продолжал смотреть на нее и усмехаться.

Он обезумел. И был невиданно великолепен в своем безумии.

Элизабет рассмеялась.

— Ты сумасшедший, — сказала она.

— Вот видишь. — Он указывал на нее пальцем. — Это то, чего ты не знала обо мне весь этот год. И еще много чего. А я не знал, что ты можешь смеяться над перспективой быть вытасненной на улицу холодной снежной ночью, чтобы сделать снежных ангелов. Осмелюсь сказать, что есть много, чего я о тебе не знаю. Я иду на улицу. Ты идешь со мной или нет?

— Иду, — ответила она и вновь рассмеялась.

— Я вернусь через пять минут. — Он шагнул к двери и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Элизабет посмотрела ему вслед и, вновь рассмеявшись, вскочила с постели.

Пять минут! Никто не посмеет сказать, что она заставила его ждать.

* * *

— Ложишься на спину, — объяснял он, — вытягиваешь руки и ноги и осторожно двигаешь ими вверх и вниз. Вот так. — Он продемонстрировал ей, как надо двигаться, а потом поднялся и посмотрел на снежного ангела, которого только что сделал. — Довольно большой получился.

— Ангел Гавриил, — нежно сказала она.

На ней была светлая, подбитая мехом накидка с капюшоном, который покрывал голову. Она выглядела неописуемо красивой в отражающемся от снега свете. И полной достоинства. Но она осторожно легла на снег рядом с его ангелом и, опустив глаза, неторопливо и аккуратно сделала своего собственного.

Он так любил ее, что хотел выть на луну. К тому же он боялся и колебался. Неужели сейчас рядом с ним была его покорная жена?

Или на самом деле она была подавляемой дочерью не имеющей чувства юмора тиранши, готовой вырваться на свободу, как бабочка из кокона? Не пролетит ли она мимо

него, когда расправит свои крылья?

— Ах, — сказал он, когда она поднялась на ноги, — какой изящный ангел. Я думаю, это ангел-хранитель. Ангел Джереми. А может, и мой.

Она посмотрела на него и улыбнулась, и затем подняла глаза к небу.

— О, смотри, — сказала она, — облака рассеиваются. Смотри, какое чудо.

Светила почти полная луна, и внезапно оказалось, что небо все усыпано звездами. Сегодня вечером они выглядели необычно яркими, возможно, потому что он был в деревне, а не в Лондоне, как обычно.

Одна звезда особенно привлекла его внимание. Он шагнул к Элизабет поближе и указал рукой на эту звезду.

— Полагаю, что волхвы все-таки находятся в пути, — произнес он.

— Эдвин, — тихо спросила она. — У тебя когда-нибудь было такое прекрасное Рождество?

Звук его имени на ее устах согрел его. Нет, у него никогда не было Рождества или момента прекраснее. Если он задержит дыхание, сможет ли задержать это мгновение этот момент навсегда?

— Нет, — ответил он ей.

Он хотел положить руку ей на талию, привлечь к себе и, возможно, произнести — с опозданием на год, но лучше поздно, чем никогда, — слова, идущие от сердца, столь трудные для человека, который большую часть своей жизни говорил на сухом языке бизнеса и торговли. Но Элизабет повернулась к нему, прежде чем он смог осуществить свое намерение, и в полутьме он мог видеть, что ее тело было напряжено, а выражение лица было взволнованным.

— Возьми нас с собой, — сказала она. — Когда поедешь в Лондон, возьми нас с собой.

Эти слова прозвучали так неожиданно и были так желанны для него, что он какое-то время просто молча таращился на нее.

— Зачем?

Она пристально посмотрела на него, все еще напряженная, прежде чем закрыть глаза и отстраниться от него.

— Ты нужен Джереми, — сказала она.

Снова повисла длительная пауза, в течение которой он никак не решался задать вопрос, ответ на который мог разрушить его вновь обретенную хрупкую мечту. Как нерешительно и глупо он вел себя со своей женой — это так отличалось от его поведения во всех других аспектах жизни. Но она ответила на вопрос прежде, чем он успел задать его.

— Ты нужен мне.

— Правда? — Его сердце готово было разорваться от переполнявших его эмоций.

— Эдвин, — порывисто сказала она, и ее голос оборвался, она все еще не смотрела на него, — я должна была сказать «нет». Даже притом, что мама и папа отчаянно нуждались в деньгах, я не должна была соглашаться покупать для них отсрочку ценой твоей свободы и счастья. Но я встретила твоего отца и чрезвычайно полюбила его, и я знала, что он действительно хотел, чтобы я стала твоей женой. И поэтому я убедила себя, что ты тоже хочешь этого. Но это было эгоистично с моей стороны. Я думала, что смогу оставить позади холодный мир без любви, в котором я выросла, и стать частью теплого, наполненного радостью мира твоего отца. Вместо этого я на корню загубила любую радость, которая, возможно, была бы у тебя в жизни. Я так сожалею. Но позволь нам поехать с тобой домой, и

я попробую...

Он крепко схватил ее за руку, и она умолкла, когда он повернул ее к себе и пристально посмотрел на лицо жены, залитое светом луны и рождественской звезды.

— Элизабет, — сказал он, — это я разрушил твоё счастье, забрав тебя из привычного мира только потому, что знал, что мой отец умирает, и не мог отказать ему. Я презирал себя за то, что согласился на эту сделку, когда ты, должно быть, мечтала об ослепительной партии с титулованным джентльменом из высшего света, с кем-то равным по положению. Все, что я мог придумать, после того как умер мой отец, — это привезти тебя сюда, в дом, который, по меньшей мере, подходил по размеру и великолепию, и освободить от меня и моего мира. И все же теперь ты хочешь вернуться ко мне?

Она кусала губы.

— И ты не презирал меня?

— Презирал? — Он обнял ее и привлек ближе. — Элизабет, я по уши влюбился в тебя, как только впервые увидел. Я пытался... относиться к тебе сдержанно и с уважением. Я надеялся, что после того как ты привыкнешь... Но ты, казалось, окаменела. А затем умер мой отец.

Когда она подняла руку в перчатке, чтобы прикоснуться к его щеке, он увидел, что она дрожала. Он также мог видеть звезды, которые отражались в ее глазах.

— Эдвин, — прошептала она, — я думала, что ты презираешь меня. Я так сильно хотела брака с тобой, именно с тобой — сыном своего отца. Вы были моим шансом сбежать от той жизни, которая никогда мне не нравилась, и я была так очарована вами, когда впервые увидела. Но когда ты ничего не сказал о любви или привязанности после нашей свадьбы, и был со мной так... почтителен, я подумала, что ты презираешь меня.

— Мы были такими идиотами, — сказал он, прижав ее руку к своей щеке. Он усмехнулся. — Я думал, что это касается только меня, но оказалось, что ты не лучше. Я знаю так не много о том, как доставить удовольствие женщине, Элизабет, особенно женщине, которую люблю.

Внезапно ее глаза стали еще более яркими, и он знал, что они наполнились слезами.

— Ты знаешь, — сказала она, — сегодня был самый счастливый день в моей жизни — видеть, как ты улыбаешься и смеешься, видеть, что ты держишь Джереми, получить твой поцелуй под омелью, и...

Она резко умолкла и вновь прикусила губу. Эдвин повернул голову и поцеловал ее ладонь в перчатке.

— Я научу тебя получать удовольствия от того, что происходит на нашем брачном ложе, Элизабет, — сказал он. — Я обещаю. Только дай мне время. Я должен узнать, что тебе нравится.

— Ты доставил мне удовольствие. — Она отвела руку от его щеки, чтобы обнять его за плечи. Она внимательно всматривалась в его лицо. — Ты доставил мне удовольствие, Эдвин. Я думала, что умру от удовольствия. Но я не показала этого, не так ли? Возможно, мне следовало это сделать. Мама сказала мне перед нашей свадьбой, что я всегда должна лежать неподвижно и молиться, чтобы это поскорее закончилось. Но сегодня вечером я не хотела этого. Я молилась, чтобы это никогда не кончалось. Ты доставил мне удовольствие Эдвин. И еще какое!

Он довольно рассмеялся, схватил ее в объятия и крепко прижал к себе, а затем громко рассмеялся, и она присоединилась к нему.

— Я должна сказать тебе, — поведала она, — что поговорила с мамой и просила ее с отцом покинуть Уайлдвуд после Рождества. Даже если я останусь здесь одна с Джереми, я буду более счастлива без влияния матери. Я хочу быть твоей женой, даже если буду видеть тебя только раз в год.

Он еще крепче прижал ее к себе.

— Милая моя, — сказал он. — Любовь моя, я не позволю тебе исчезнуть из поля моего зрения больше чем на день, и тот будет слишком длинным для меня.

Она откинула голову и улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, а затем наклонился и поцеловал ее. На сей раз не было никаких зрителей, как это было в гостиной перед чаем, и не было никакого беспокойства или неуверенности, как было в спальне. На этот раз была лишь любовь, которую можно было разделить открыто и радостно. И знание, что даже после Рождества их ждет совместное будущее, будущее, которое подарит новый год, новую весну и новую надежду.

Когда он поднял голову, они вновь улыбались друг другу. Дом — их дом, дом который его отец приобрел для него, действительно прекрасный дом — стоял позади нее на вершине заснеженной лужайки. Мысленно он мог видеть грубо вырезанную рождественскую сцену позади темных окон гостиной. И он точно знал, за каким окном в тепле и безопасности в своей кровати спал Джереми. Их сын.

Небо над ними было залито лунным и звездным светом, а рождественская звезда мягко светила прямо над их головами — или так только казалось.

— Должно быть, уже перевалило за полночь, — сказал он, его руки покоились на ее талии, а ее руки обвивали его за шею. — Счастливого Рождества, милая.

— Счастливого Рождества, Эдвин, — сказала она.

— Не знаю, как ты, — сообщил он, усмехаясь, — но я чертовски замерз. Чья была идея идти на улицу?

Она улыбнулась в ответ сияющей улыбкой, которая осветила ее красоту.

— Это была самая замечательная идея в мире, — сказала она. — Я увидела рождественских ангелов и рождественскую звезду и впустила всю любовь и радость Рождества в мое сердце и в мою жизнь. Но я определенно замерзла, — признала она.

— Тогда, пожалуй, нам следует вернуться в постель, — сказал он, — и посмотреть сможем ли мы согреть друг друга.

Даже в лунном свете он знал, что она покраснела. Но она не переставала улыбаться и вглядываться в его глаза.

— Да, — сказала она. — О да, Эдвин. Давай так и поступим.

Рождественская звезда проливали свой сияющий свет на Уайлдвуд еще долго после того, как они вошли в дом и согрели друг друга, занимаясь любовью, и заснули, не размыкая объятий, под смятыми простынями.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Ковентрийский гимн», названный в честь английского города Ковентри, где в XVI веке стригали и портные в стихотворной форме изложили евангельский сюжет об избиении царем Иудеи Иродом Великим всех младенцев в Вифлееме и его окрестностях. — *Прим. пер.*